

Валентина Байху



несчастном ректоре
замолвите слово

Ректор обыкновенный,
подвид бесправный

Валентина Байху

**О несчастном ректоре замолвите
слово. Ректор обыкновенный,
подвид бесправный**

«Автор»

2023

Байху В.

О несчастном ректоре замолвите слово. Ректор обыкновенный,
подвид бесправный / В. Байху — «Автор», 2023

Все вроде бы правильно: одна попаданка, одна академия, один потусторонний мир. Правильно же? Определенно. Хотя... где же положенные студенческие будни, где учеба до рези в глазах, где вопящие об образовании преподаватели и где беспутные пьянки с одногруппниками? А их нет! Вместо этого пыльное место ректора, запачканное в крови предшественников, и роль пушечного мяса, пока идет расследование жестоких убийств!

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	26
ГЛАВА 4	37
ГЛАВА 5	48
ГЛАВА 6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Валентина Байху

О несчастном ректоре замолвите слово. Ректор обыкновенный, подвид бесправный

ГЛАВА 1

Марина Хромова возвращалась домой, стараясь не кряхтеть и не горбиться, подобно столетней бабушке. Все тело ломило так, словно по нему потоптались табуны слонов, лошадей и быков вместе взятых. Здесь даже ванна с теплой водой и массаж не помогли бы, так саднил каждый участок перетрудившейся плоти. Не каждый день ей приходилось скакать по этажам, как оголтелой, и драить даже самый темный уголок здания строительной фирмы. Обычно работать приходилось только на закрепленном за ней этаже, а сегодня она вынуждена была подменить другую уборщицу, у которой заболел ребенок. И если к своей территории она привыкла, то двойная уборка вымотала гораздо сильнее. Но и это оказалось не концом ее мук. После пришлось ехать к старшей сестре и помогать ее мужу с детьми, так как ту сегодня с утра увезли в роддом.

Поэтому в эти поздние часы Марина едва плелась по тротуару и старательно сдерживала зевоту со стенами. Перетрудила и вымоталась. После столь насыщенного дня хотелось впасть в спячку как минимум на неделю, или на месяц... А, ладно, год было бы отлично проспать, просто потрясающе. Ей казалось, что если через несколько секунд она не окажется дома, то упадет на какую-нибудь ближайшую лавочку и... пусть весь мир подождет. Увы, все эти мысли и желания были лишь фантазиями вымученного мозга, в реальности Марине о подобной роскоши даже задумываться не получалось. До дома оставалось идти пешком еще около получаса, свой последний автобус она пропустила, а на такси денег не было – как-то вылетело из головы, что можно было занять деньги у Вадима. Проводив взглядом очередную лавочку, Хромова лишь ускорила шаг, и оставила мечту о ней до лучших времен. В нынешнюю холодную осень спать на лавочках отказывались даже бомжи, не то что обычные прохожие.

Оказавшись дома, девушка без сил осела на пол коридора. Раскинув руки и ноги в стороны, она некоторое время бездумно смотрела в потолок. Дыхание постепенно выравнивалось, тело расслаблялось, а промозглость осеннего ветра исчезала, заменяясь домашним теплом. К счастью, подобных сумасшедших дней в ее жизни было очень мало и привыкать к ним не стоило. Заставив себя стащить куртку и ботинки, Марина поплелась на поиски своего сотового. Как назло, она сегодня забыла его дома, поэтому была практически без связи – Вадим-то позвонил ей на рабочий, была у нее договоренность с тамошними работницами, да и начальство не возражало. Ведь в любой момент она должна была получить сообщение о прибавлении в их семействе. Волновалась за сестру, хотя для нее это были уже третьи роды и в роддом Полина уже ехала, как во второй дом. Искомое Марина нашла в зале, сотовый лежал на столике у телевизора.

Зевнув в очередной раз, она некоторое время бездумно просматривала входящие вызовы и смс-сообщения. От сестры новостей пока не было, зато наткнулась на звонок Ирины Павловны Мурашевой. Не меньше десяти входящих намекали на крайнюю срочность, а звонить, судя по цифрам на табло, женщина начала с самого утра. Быстро глянув на настенные часы и видя, как стрелка медленно ползет на начало одиннадцатого, Марина задумалась: стоит ли сейчас беспокоить добрую женщину? Все же время уже позднее и личное, мало кто обрадуется звонящему клиенту. А то, что Марина была клиенткой Ирины Павловны, являлось свер-

шившимся фактом. Ведь именно госпожа Мурашева занималась тем, что вот уже три месяца старалась избавить ее от статуса безработной. Уборщицей же Марина работала неофициально и по большому секрету, ибо прожить на то, что выплачивал ей Центр занятости населения, было невозможно.

Почти пять месяцев назад Марина Хромова оказалась безработной, когда ее очень вежливо попросили уйти самой из частного лица для богатых девочек. Понимая, что в противном случае последствия будут для нее более печальными, а бороться с влиятельными людьми, которых представляла директриса общеобразовательного заведения, у нее не было ни сил, ни возможностей, Марина не стала сопротивляться и упрямиться. Никто не озвучивал прямо причину ее увольнения, но все знали, что случилось это из-за ее вмешательства в предотвращении травли одной из учениц. Та девочка едва не покончила с жизнью у нее на глазах, и Марина решила, что пора заканчивать «проделки» элитных девиц, перешедших в этот раз границу дозволенного. Девушка попробовала хоть как-то повлиять на ситуацию, довести до сведения вышестоящих органов, но оказалась в меньшинстве. Другие преподаватели, и раньше державшие дистанцию и закрывавшие глаза на происходящее, окончательно отстранились, сделав вид, что ничего не случилось.

Марину же попросили уйти с места учителя, да еще и пригрозили проблемами не только ей, но и ее родным. И в закрепление, чтобы ей было в дальнейшем не повадно лезть к сильным мира сего и указывать им на их ошибки, поспособствовали, чтобы не брали на работу не только в школы и университеты, но и на самые разные доступные для нее должности. Помучавшись некоторое время, Хромова вынуждена была обратиться в Центр занятости населения, встать на учет, и пока поиски не увенчались успехом, трудиться в качестве уборщицы, изображая Джеймса Бонда, то есть неуловимого и вечно-прячущегося от знакомых работника.

На телефонный звонок ответили практически сразу:

– Мариночка?

– Добрый вечер, Ирина Павловна, – девушка устало откинулась на спинку кресла, в которое села, – прошу прощения за поздний звонок. Я сегодня сотовый дома забыла. Что-то случилось?

– Дорогая, у меня замечательные новости! – послышался звонкий голос, как будто никто и не ложился спать на том конце провода. – У нас появилась новая заявка на преподавателя в академию. Я знаю, что твоя следующая явка к нам восемнадцатого, но приходи завтра – дам тебе направление.

Ирина Павловна была давней и хорошей знакомой деда Хромовой, да и вообще человеком добрейшей души, готовой помочь любому. Узнав, что внучка ее дорогого друга находится в затруднительной ситуации, она мгновенно взяла над ней шефство, помогла в центре занятости и вообще поддерживала, когда хотелось плюнуть на все. Марина оказалась в надежных руках человека, который искренне старался помочь и выполнить свою работу. Наверное, это не позволяло ей предпринять крайние меры и задуматься о переезде в другой город. Уезжать не хотелось, здесь она выросла, здесь жила ее семья, были какие-никакие приятели, но и оставаться в статусе уборщицы не хотелось. Это был тяжелый и неблагодарный труд.

– Вряд ли из этого что-то получится, – с сомнением протянула Марина, уже наученная горьким опытом и постоянными отказами, иногда не особенно вежливыми. – Может сделать упор на другие отрасли? Со школами, университетами и институтами результат один и тот же – неудачный.

– Мариночка! Нельзя же впадать в отчаяние из-за парочки отказов! Взбодрись!

Вообще-то отказов было больше, чем пальцев на обеих руках, но сдаваться она действительно не думала. Просто развила здоровый скептицизм, приправленный щепоткой цинизма.

– Разве будет плохо, если ты попробуешь? – продолжала между тем Мурашева. – Сходишь, посмотришь, на тебя посмотрят, побеседуешь, лишним не будет.

- Попробовать можно, – вздохнула Марина.
- Умничка! – обрадовалась женщина. – Буду ждать тебя завтра к девяти утра.
- Хорошо, спокойной ночи.
- И тебе спокойной, золотце!

Потянувшись, Хромова подумала, что не такая уж и плохая идея – сходить. А вдруг? «Вдруг» всегда было где-то между удачей и судьбой, поэтому никогда нельзя было загадывать заранее.

Хорошо, что у Марины был выходной, и не нужно было мучиться и отпрашиваться с работы. Ровно к девяти утра она топталась на пороге небольшого, продолговатого здания, спрятанного между жилыми домами и огороженного забором. Приехала она за двадцать минут до открытия, поэтому успела занять место в первой тройке посетителей к Мурашевой. К этому времени большая очередь еще не успела собраться, и, когда она оказалась внутри, ожидание продлилось не больше двадцати минут.

Когда подошло ее время, проскользнула в кабинет к Ирине Павловне.

- Здравствуйте! – поприветствовала она собравшихся работниц.
- Доброе утро, Мариночка, заходи! – махнула ей со своего места Мурашева.

На вид ей было около пятидесяти пяти лет, но Марина знала, что цифра перевалила за шестьдесят. Высокая, очень худая, с горящими азартом глазами, она заряжала своей неиссякаемой энергией всех вокруг, хотели они того или нет.

Вот и у Марины невольно на губах появилась улыбка, когда она присела на стул по другую сторону рабочего стола.

– Я уже все подготовила, – протянули ей распечатанное и заполненное направление. Оставалось только оставить собственные подписи и можно отправляться по адресу.

– ВНАдТиН... – прочитала Марина. – А как это расшифровывается?

Ирина Павловна немного замялась, сведя брови к переносице:

– Как обычно расшифровывается... государственная академия и так далее. Не бери в голову! Главное – это шанс наконец-то найти то, что ты так долго искала, и больше не сидеть на шее у родных.

– Да, – с сомнением протянула Хромова, прекрасно заметившая заминку работницы Центра занятости, да и на «государственное» ни одна буква в аббревиатуре не тянула, с какого боку ни смотри. Но найти наконец-то рабочее место, да еще и по специальности, было делом хорошим. – Ладно, тогда поеду прямо сейчас.

– Замечательно! Удачи тебе!

– Спасибо.

И все же, почему нет никакой расшифровки этой загадочной академии?

С пересадкой Марина доехала до нужного адреса через полчаса. Выйдя из автобуса, она глотнула вкусный осенний воздух, не особо холодный в этот день, но, когда ее обволакивали порывы ветра, хотелось замотаться в шарф поглубже. От остановки пришлось пройти всего квартал, а потом спуститься по лестнице вниз. Она ожидала увидеть стандартный дом, где студенты набираются знаний, а преподаватели зарабатывают всевозможные проблемы и никак не могут выспаться. Вместо него она увидела впечатляющую многоэтажку, мечту офисных служащих и владения олигархов. Мощная, зеркальная, пикообразная башня возвышалась среди остальных домов, как породистая борзая среди дворовых псин. Даже в глазах на миг зарыбило от лоска и дороговизны высоты, пока Марина стояла, замерев перед ней. Покопавшись

в сумке, она достала направление из Центра занятости и сверила адреса – вдруг перепутала? Но нет, все оказалось правильно и никакой ошибки не было.

Застучав каблуками по асфальту, Марина направилась внутрь здания. Пришлось немного поторопиться, потому что начал накрапывать дождь, а зонтик она забыла. Не факт, что он прекратится, когда она закончит свои дела, но хотя бы перед работодателем будет выглядеть не мокрой вороной. В круглом, дорогом холле с золотисто-бежевым интерьером мельтешили люди. Они выходили и пропадали в многочисленных дверях и коридорах, спускались и поднимались по лестницам, ждали лифтов и покидали лифты, чтобы еще чем-либо заняться. За небольшой перегородкой и «будкой» с охраной стелились мраморные полы, укрытые коврами, стояли диваны и кресла для посетителей, кадки с цветами создавали ощущение лета даже в стылую осень. Все это говорило об очень высоком уровне работающего здесь народа.

Марина приблизилась к суровой компании охранников, бдительно следящих за порядком и контролирурующих входящих. Там же возможно было узнать, куда именно ей следовало идти.

– Доброе утро, не подскажете, как найти Степана Игнатьевича Селиванова?

– Как вас представить? – вперед выступил приземистый, но крепкий дяденька с пышными усами и жесткими глазами-буравчиками. Остальные быстро окинув ее взглядами, потеряли интерес, и обратили его на других посетителей.

– Я от Центра занятости по вопросу трудоустройства, – пояснила девушка.

– Ваш паспорт, сумку откройте. Есть ли колюще-режущие предметы, что-то взрывоопасное?

– Нет, ничего такого, – ответила она, выполняя указания. Стандартная процедура, ничего особенного в подобной проверке она не видела.

Пройдя через металлодетектор, Марина вернула себе паспорт и закрыла сумку. Несколько секунд она ждала, пока охранник связывался с кем-то по рабочему телефону. Мимо проходили представительные мужчины и женщины, одетые в дорогие, брендовые вещи. Ей же оставалось только недоумевать и догадываться о причинах, заставивших работодателей неизвестной академии назначить встречу именно здесь.

– Поднимайтесь на девятый этаж, сто восьмой кабинет, – наконец-то послышался голос охранника.

– Спасибо.

Хромова сначала зашагала по направлению к лифтам, но потом разглядев толпу народа, толкающуюся у четырех закрытых кабинок, и представив, как вся эта масса втискивается в маленькие коробки-кабинки, решительно повернула к лестнице. В эту черную воронку из мешанины голов, рук и ног можно было пробиться только боем, распрощавшись при этом со своими собственными любимыми конечностями. Делать этого ей совсем не хотелось, а потому приходилось чем-то пожертвовать. В данном случае быстрым подъемом наверх и, возможно, одышкой, смотря какая лестница и с какой скоростью она собиралась ползти на девятый этаж. Хотя не особо переживала по этому поводу – хорошая тренировка только на пользу, особенно для ее немного полноватой фигуры. Зато лифты она всегда недолюбливала, невольно мучимая мыслями, что однажды трос не выдержит и ящик с нею внутри полетит вниз.

Поднимаясь, Марина вспоминала, сколько раз уже случалось ей прийти на собеседование, и получить отворот-поворот, стоило назвать лишь свое имя. На своем прежнем рабочем месте, она наступила на мозоли слишком влиятельным людям и ей этого не простили. После увольнения она не раз слышала вопрос от старшей сестры о том, сожалеет ли она о сделанном? О сделанном Марина не жалела, особенно когда столкнулась с той девчонкой, из-за которой все и началось, улыбающейся девчонкой, возвращающейся домой из новой школы с новыми друзьями. Но злилась немного, что повела себя не очень умно, решив действовать в лоб, нахрапом, а надо было быть хитрее и осторожнее. Впрочем... о чем сейчас было говорить? Дело

было сделано, проблем она заработала, оставалось только намотать на ус и искать выход из ситуации, каким бы он ни был.

Последний пролет, и Марина оказалась в коридоре, переступив через порог. Оглядев-шись, удивленно похлопала глазами и даже приоткрыла рот, настолько велик он оказался. Если внизу было шикарно, то здесь обстановка буквально утопала в сказочной роскоши. Нет, Марина не приехала из дикого леса, где даже туалет на улице и от него одно название, а их семья имела вполне себе приличный достаток, позволявший и купить все, что хочется, и отдохнуть на море, а иногда и за границей. Однако подобное убранство помещений она могла наблюдать только в кино или на картинках журналов. Изысканность, элегантность, классика – все это оказалось собрано на девятом этаже и поражало неподготовленного посетителя. В таких офисах и кабинетах могли обитать только очень большие начальники, воистину элитарного уровня, а не обычные, среднестатистические служащие.

– Ничего не понимаю, – едва слышно пробормотала она и зашагала мимо дверей с номерными знаками, – может, в Центре что-то напутали?

Никто не спешил ей отвечать на интересующий вопрос, а потому нужно было получать ответ непосредственно там, куда ее направили.

Кабинет нашелся достаточно быстро и, постучав, Марина вошла внутрь:

– Здравствуйте, я...

– Да-да-да, не трудитесь представляться, – пренебрежительно перебил ее сидящий за внушительным столом человек, – мне уже сообщили, кто вы. Присаживайтесь и приступим, у меня мало времени.

На миг замерев на пороге, Марина прошагала к столу. Хамоватое приветствие ее покорило и сразу настроило на самый высокий уровень осторожности. С такими людьми легко никогда не получалось, и в голову затесалась мысль о том, что хорошо бы и в этот раз ей отказали. В данном случае она даже не расстроится и переживать не будет. Присев на край кресла, девушка внимательно рассматривала Степана Игнатьевича Селиванова. Он был долговязым мужчиной лет сорока на вид, с тоненькими усиками и ухоженными ногтями. Глаза у него были льдисто-голубые, черты лица острые, но некоторым женщинам такие наверняка нравились. Понять собственные ощущения оказалось сложно: он одновременно был ей и неприятен, и тревожил. А может просто сказались первые мгновения знакомства...

– Хм, – углубился в чтение бумаг работодатель, – значит вас зовут Марина Даниловна Хромова, полных двадцать семь лет, отец, Олег Юрьевич Хромов, погиб в автокатастрофе пять лет назад, мать, Раиса Андреевна Хромова, находящаяся с ним в машине, выжила, но приобрела статус инвалида и ныне проживает вместе с вами и вашим дедом, ее отцом, Андреем Павловичем Резником, в одной квартире. У вас также имеется старшая сестра, Полина Даниловна Разина, в девичестве Хромова, которая замужем за Вадимом Петровичем Разиным, воспитывающая двоих детей и ожидающая третьего.

– Да, простите, а...

– Тихо! Ответите, когда спрошу. Год назад вы были уволены из престижного университета для богатых детей с большим скандалом, с тех пор не можете найти себе работу и неофициально подрабатываете в строительной фирме в качестве уборщицы. Стремительная карьера, – вдруг добавил с ноткой сарказма в голосе.

Марина едва удержалась в рамках вежливости, но не была уверена, что сможет терпеть такое отношение долго. Все же хорошо иногда получать отказы; с таким будущим начальством можно заранее готовить мыло и веревку.

Постаравшись немного отвлечься, она скользнула взглядом по кабинету: жутко дорогому, в бордово-коричневых тонах, оборудованному по самому последнему слову техники. Интересно, что же это за академия такая, раз Селиванов обитает в таких царских пенатах?

Еще минут двадцать он изучал ее документы и устраивал разбор ее личности, при этом никаких дополнительных вопросов не задавал. Складывалось впечатление, что над ней просто издеваются, а отказ близок.

– Вы приняты, – вдруг сообщили ей, когда резюме было отложено в сторону.

Марина моргнула, открыла рот, чтобы что-то сказать, закрыла, потом снова открыла и выдала:

– Принята?

Сказать, что она была изумлена, значило ничего не сказать. Заявление Степана Игнатьевича буквально огорошило ее.

– В вашем резюме ничего не говорилось про плохой слух, – невозмутимо заметил он.

– У меня все в порядке со слухом, – выдавила она, смутившись, – но вы ведь...

Он снова перебил ее, не дав договорить:

– Все, что мне нужно, я узнал, выводы сделал, остальное лишнее и не имеющее значения, – и подтолкнул к ней пачку документов. – Договор, – пояснил он, – можете прочесть здесь, можете забрать и показать юристу.

– Хорошо, я бы хотела взглянуть, – Марина потянулась к бумагам, углубляясь в чтение.

Мысли в голове скакали, как ненормальные, да и такого мгновенного собеседования у нее в жизни еще не было. Трудовой договор оказался стандартным и простым: все, что нужно, имелось в наличии и никаких особенных или опасных условий не наблюдалось. Порадовала зарплата. Нет, она не была невероятно огромной, но на порядок выше того, как платили на предыдущем месте работы, а платили там совсем неплохо.

– Возьмете с собой? – уточнил Селиванов, когда она закончила.

– Нет, в этом нет необходимости, давайте оформим все здесь.

Он благосклонно кивнул, протянув ей ручку. Дальше они занимались тем, что оформляли Марину на новую должность и улаживали формальности.

– Ой, – выдохнула девушка, когда внезапно что-то кольнуло палец, и рядом с ее подписью на договоре упала красная кровавая капля. – Прошу прощения!

– Ничего страшного, – Степан Игнатьевич остался невозмутим, на миг показалось, что в его взгляде мелькнуло торжество. Оригинал договора он забрал себе, ей же вернул копию, после заверения последнего. – Мы будем ждать вас в понедельник к десяти часам утра; приходите сюда же.

– Хорошо, спасибо, – кивнула новая работница непонятной академии, вставая с места.

Ей предстояло много дел сделать за оставшиеся свободными пять суток, и начать она планировала немедленно.

Дни летели незаметно в делах и заботах, порой казалось, что кто-то включил великий двигатель на полную и заставил весь мир крутиться в одном ритме. Марина «отчислилась» из Центра занятости, чем очень сильно обрадовала Ирину Павловну, после этого она сразу же сообщила на своей временной работе об увольнении по собственному желанию. И хотя здесь практически ничего и не требовалось делать, все равно пару автографов на прощание пришлось оставить. После этого она со спокойной совестью принялась исследовать собственный гардероб: нужно же было узнать, в каком он состоянии, не порвалось ли что-то, не набрала ли она лишних килограммов и прочие мелочи. Всяких мелочей оказалось много. К примеру, пришлось озаботиться «рабочей» кружкой, без чая или кофе весь рабочий день прожить было практически невозможно. Еще набрала всевозможных канцелярских принадлежностей, по опыту

зная, что свое всегда лучше того, что выдавал завхоз, к какой бы организации он не относился. И подобных незначительных забот было предостаточно.

Помимо этого, Марина крутилась еще в доме Полины, помогая с детским садом и не давая папе сойти с ума без главного полководца в семье – мамы. Старший Артем ходил уже во второй класс школы, а потому постоянно приходилось контролировать этого мелкого бесенка, особенно по части сделанных уроков. Танюша была поспокойнее, но проводы в детский садик, а потом уход из него превращались в настоящие ледовые побоища. Ни того, ни второго она не любила, и всячески демонстрировала свое отношение взрослым. Наказывать ее было бесполезно, упрямее барашка еще не родилось на свете, от этого она капризничала еще сильнее. Поэтому приходилось постоянно заниматься воспитанием девочки, с выдержкой и терпением, и проявлять хитрость. Порой Хромовой казалось, что когда оба дитяти вырастут, то первый станет президентом страны, а вторая возглавит армию Российской Федерации.

Марина с облегчением вздохнула, когда всем семейством поехали встречать сестру из роддома. Полина, несмотря на усталость, выглядела хорошо, даже казалась красивее, чем обычно. Она пошла в маму и была похожа на живую куклу Барби с белокурыми волосами и голубыми глазами. Марина же унаследовала внешность бабушки, покойной матери отца, от родителей ей практически ничего и не досталось. Пошутила природа. После непродолжительных ахов и восторгов, увидев нового члена семьи, и дабы не морозить новорожденного, быстро попрятались по машинам и отправились домой. Марина присоединилась к старшей сестре и ее мужу, чтобы помочь с младшими детьми. Те хоть и притихли, с интересом разглядывая новую сестренку, но все равно в глазах проскальзывали бесята. У Полинки же сейчас были другие заботы и волнения, а после Марину обещал довести до дому Вадим.

– Значит, наконец-то взяли... – протянула сестра, когда выдалась пятиминутка отдыха. – Ну слава богу, а то я уж думала до пенсии с тряпками и швабрами провозишься. Не попадись снова в неприятности, маме и так не сладко, чтобы еще и ты на ее шее сидела.

Марина поморщилась и покосилась на часы, стоящие на столике. Всего десять минут отделяли ее от того, чтобы поехать домой и попрощаться с любимым, но очень непростым семейством.

Не сказать, чтобы семья Хромовых была идеальна, совсем нет, их связывали хоть и дружеские, теплые отношения, но и весьма сложные. Были и ссоры, и скандалы, и видеться порой не хотелось подольше, и непонимание тоже было. Особенно тяжело приходилось Марине со старшей сестрой. От природы имеющая бескомпромиссный и тяжелый характер, Полина считала себя знатоком жизни и не принимала ничьего мнения кроме своего. Все бы хорошо, вот только младшая сестра была полярно ей противоположна. Сложно было найти настолько разных людей, чем они. Еще до смерти папы они постоянно ругались, и в те годы Марина отчаянно желала прекратить всяческое общение с ней. Подобное действительно почти случилось: встречались исключительно на праздники и какие-то семейные сборища, больше ничего.

Но перелом в отношениях наступил после трагедии в семье, и отношения постепенно наладились. Как и сама Марина осознала одну вещь: родных терять она больше не хотела никогда в жизни, а потому, как в той поговорке «кто-то должен быть умнее», зачастую отмалчивалась и уходила от конфликта. Безответной она, конечно, не была, но слишком хорошо знала характер сестры, а потому не собиралась потакать ей и раздувать из мух слонов. Поначалу было тяжело терпеть постоянные подколы, претензии или цепляния, но со временем она научилась пропускать их мимо ушей. Объяснять и доказывать что-то Полине было бесполезно; если та уже сделала свои выводы, достучаться до нее было невозможно. Ужасный недостаток, но это было все равно что биться головой об стену: результата никакого с той стороны, зато сам страдаешь.

Вот и в этот раз Марина только пожала плечами, не став комментировать реплики сестры.

– Я рада, что наконец-то покончу с работой уборщицы. Мне всегда нравилось преподавать и не хотелось бы перестать это делать.

– Ты только прекращай сочувствовать всем подряд. Конечно, понимаю, благородство и все такое, но из-за него ты себе жизнь портишь. Учись быть более равнодушной к чужим, тебе это полезно.

– Девочка могла умереть, – тихо, но с предупреждением в голосе, проговорила Марина – все-таки черту переступить сестре она не позволяла, – пройти мимо было нельзя.

– Ой, брось, ты ведь вызвала Скорую? Вызвала. И жизнь тоже ей спасла, – отмахнулась Полина, правда тон действительно чуть сбавила. – Остальное тебя совершенно не касалось, могла и помолчать.

Вот так и протекала у них беседа, пока не пришло время отчаливать. Свой отъезд Марина восприняла с облегчением.

Дома ее уже ждали мама и дед, вкусно пахло булочками и борщом. А все мама. После автокатастрофы она увлеклась кулинарией, особенно кондитерскими изделиями, и на заказ пекла торты и самые разные сладости. Остальное же предназначалось исключительно для семейных застолий.

– Наконец-то! – выглянул из ванной дедушка. – Мой руки и за стол!

Андрей Павлович напоминал медведя: мохнатая седая шапка волос, немного раздобревшая, но от этого не менее внушительная фигура, острый взгляд карих глаз. Марина его очень сильно любила, правда его властность и военные замашки, оставленные тем прошлым, доставляли некоторый дискомфорт.

– Так точно! – шутя, отдала она честь после того, как разулась и повесила куртку на вешалку.

Вечернее празднование получилось спокойным, уютным и немного смешным. Хоть их было только трое, все равно отметить рождение Танюшки получилось.

Гораздо позднее, когда дед ушел смотреть футбол, Марина с мамой устроили небольшой девичник на двоих.

– Я так рада за тебя, девочка моя, – ласково улыбнулась Раиса Андреевна.

Марина примостилась рядом с ней, сев на пол и положив голову той на колени.

– Я тоже рада, наконец-то этот кошмар закончился. Новая работа, новый коллектив и никуда не нужно уезжать. Я уж боялась, что придется перебираться куда-нибудь подальше, чтобы нормально жить.

– Но ты бы все повторила, если бы пришлось, не так ли? – погладили по волосам девушки.

– Да, – Марина потеревала бахрому с покрывала, которым были укрыты ноги мамы. – Как думаешь, я глупая? В конечном итоге могла бы поступить, как остальные. Всего то и требовалось, что закрыть глаза на шалости привилегированных детишек. Глядишь, сейчас бы спокойно преподавала, не мыкалась по Центру занятости и не надрывала спину, моя полы, а своим поступком я только и добилась, что больших неприятностей. Полина сказала, что мне не следовало вести себя столь опрометчиво, я слишком добрая.

– Уверена, что она выразилась иначе, – в голосе мамы прорезались скептические нотки. – Но ведь ты спасла человека, ту девочку. Если бы не задержалась в школе после занятий и не зашла в тот класс, то она бы истекла кровью. Теперь же с ней все хорошо. Об этом ты жалеешь?

– Нет, конечно!

– То-то же, поэтому хватит себя корить. Ты поступила правильно, несмотря ни на что.

– Я корю себя не за то, как поступила и не за то, что не смогла смолчать, – после некоторого молчания призналась Марина. – Все дело в том, что я подвергла вас опасности. Ведь мне ясно было сказано перед уходом, чтобы я не болтала лишнего, иначе платить придется еще и вам. После того мне еще долго снились кошмары, как я захожу в тот злополучный класс, но не вижу девочку с перерезанными венами, я вижу свою семью в лужах крови.

– Бедная моя малышка, – покачала головой Раиса Андреевна, – почему ты раньше об этом не говорила?

– Не хотела пугать вас еще больше. Проблем и без того хватало, а угрозы оставались только угрозами, пока я не переходила черту.

– Глупенькая, надо было все рассказать.

– Но теперь ведь рассказала. Не переживай сейчас, ма. Уже все хорошо и беспокоиться нет причин.

Но беспокоиться было прерогативой материнского сердца и даже слова дочери не могли этого изменить. Поэтому еще некоторое время мама занималась воспитательным процессом и одновременно успокаивала ее, всячески поддерживая.

В те мгновения было и тепло, и спокойно, и хорошо.

Самые лучшие в мире мгновения.

Понедельник наступил слишком быстро, но Марина была этому даже рада. Чем быстрее решится вопрос, тем лучше, ожидание всегда удручало. Для своего первого рабочего дня Марина выбрала классический брючный костюм темно синего цвета. Он хорошо сидела на ее фигуре и совсем не полнил, наоборот, даже скрадывал килограмм-другой. Она была далеко не худышкой, но и толстушкой ее назвать было нельзя. Просто имела приличные округлости, само лицо имело также форму круга и создавалось впечатление, что она полнее, чем есть на самом деле. Но за весом приходилось тщательно следить. В зеркале, когда она приблизилась к нему, отразилась симпатичная девушка с русыми волосами до лопаток и голубовато-зелеными глазами. Немного покрутившись на месте, убедившись, что ничего не портит внешний вид, она послала саму себя к черту и пожелала себе удачи.

Хромова приехала на работу на двадцать минут раньше. На этот раз достаточно было показать охраннику, полученный от Степана Игнатьевича пропуск, и ее легко пропустили наверх. Она немного нервничала, поднимаясь: все же первый рабочий день, знакомство с коллективом, учениками и еще множество вопросов, которые решались только на месте. Однако на подходе к кабинету у нее неожиданно закружилась голова, перед глазами замелькали темные мушки. Марина сначала замерла на месте, упершись рукой о стену, а потом осторожно подошла к первому попавшемуся диванчику и почти упала на него. Несколько секунд она так и сидела, справляясь с неожиданной дурнотой. Когда та прошла, нахмурилась, осознавая, что что-то в этом сценарии пошло не так. И начать нужно было с того, что она ничего, совершенно ничего не спросила у Селиванова, когда подписывала трудовой договор!

Как такое вообще возможно?! Настолько выпасть из реальности, что даже не задумываться о самых простых вещах? Не задавать вопросов и ничего не обсуждать с родными, кроме очевидного?

Как расшифровывается ВНАдТиН, и почему в документах не было ни намек на раскрытие этой аббревиатуры? Как такое вообще возможно, и как она могла подписать такую бумагу? Почему она вообще не задавала ни одного вопроса, включая самых банальных? Почему не удивилась тому, что до сих пор не знает ничего об академии, в которой ей предстояло работать? И не поинтересовалась, кто вообще такой Степан Игнатьевич Селиванов при первой встрече? Почему так беззаботно провела последние дни, считая случившееся в порядке вещей? Вопросы было слишком много, и, когда они все навалились на нее, она оказалась буквально погребенной под горой неизвестности.

В эти мгновения Марине стало настолько плохо, что она серьезно подумывала: а не вызвать ли Скорую?

Голова раскалывалась на множество маленьких мозаичных кусочков, истекающих кровью и рвущих сознание на части. Хромова тяжело дышала, чувствуя блуждающий по телу озноб и стараясь подавить его. Но когда она уже потянулась к сотовому, чтобы набрать нужные две цифры, все резко прекратилось. Она даже бодрость почувствовала, будто второе дыхание открылось.

– Как такое возможно? – прошептала она. – Что вообще происходит?

Вот только ответить Марине никто не удосужился, за ответами следовало войти внутрь кабинета странного нанимателя.

Подумав, она встала с места и направилась к двери. В конце концов, ведь это всего лишь простая учительская работа. Что могло быть в ней смертельного или страшного? Не так ли?

ГЛАВА 2

– Заходите, заходите, – отчетливо послышалось из-за двери, прежде чем она успела постучать, – мы вас ждем, Марина Даниловна.

Та-а-ак, кажется, волк в какой-то сказке приглашал к себе кого-то в гости в подобной манере...

Девушка повернула ручку двери. Сердце неприятно стукнуло в грудной клетке, будто говоря, что хорошо бы сейчас развернуться и уйти. Но разум упорно твердил, что убежать было глупо, неразумно и бессмысленно. Вот что с ней могло случиться здесь, да еще посреди дня? Совершенно ничего, Марина в полной безопасности, а возникшие вопросы наверняка имели какие-то простые объяснения. В конце концов, она не участница запутанного детективного триллера, а простая безработная учительница с чрезмерным чувством справедливости. Поэтому отмахнувшись от настырно зудящей на ухо интуиции, она вошла внутрь. Селиванов удобно расположился в своем кресле, немного откинувшись и положив одну ногу на другую. Она чуть нахмурилась – выглядело все это как-то слишком для начальства вообще и мужчины в частности. Все же первое отталкивающее впечатление не было ложным и подтвердило, что с ним сложно будет вместе работать.

– Здравствуйте! – поприветствовала она его, сделав несколько шагов по направлению к рабочему столу.

Только дойдя до середины кабинета, осознала, что помимо них здесь присутствует еще один гость. И этот гость, в отличие от Селиванова, находился от нее на совсем небольшом расстоянии. Как появился так, что не заметила? Ведь секунду назад никого рядом не было...

Марина немного запнулась, принявшись разглядывать незнакомца. Он замер недвижимым изваянием, и не сразу можно было сообразить: живой этот мужчина или статуя. Больше всего он напоминал именно статую, настоящее произведение искусства, потому что в реальности сложно было представить такого, а увидеть и вовсе невозможно. Гибкое, стройное тело чем-то напоминало по комплекции азиатов, за исключением роста, но Марина сомневалась, что оно было щедушным и слабым под одеждой. Почему-то в голову сразу пришли ассоциации с легендарным Брюсом Ли. И даже черные волосы, спадающие до самых бедер мужчины, ничуть не портили этого впечатления, как и не умаляли его мужественности. На нее незнакомец смотрел равнодушными фиолетовыми глазами. Марина сначала даже не поверила, что видит именно этот оттенок. Его окружала невероятная аура власти, а чеканная, жесткая красота, производила неизгладимое впечатление.

Несколько мгновений ошарашенно разглядывая его, Хромова пришла к выводу, что все-таки такими люди не рождаются. Не бывает. Наверняка пластика, линзы и прочие ухищрения помогли ему сотворить подобную внешность, а не мама с папой. И вообще чужая фантастическая внешность была делом десятым, ее совершенно не касалась, а потому следовало задавать совсем иные вопросы.

Как только Марина собралась это сделать, ее прервал заговоривший Степан Игнатьевич. Он плавным движением поднялся с кресла и вытащил из одного выдвижного ящика большую баночку с желтой мазью внутри.

– Прежде, чем начнем, намажьте свои глаза этим, Марина Даниловна.

Ну вот и все... Разум, прощай! В добрый путь!

– Знаете, – выдавила она, попятившись назад, к выходу, – я, пожалуй, поищу себе другую работу. Всего хорошего!

К черту! После таких заявлений она даже спрашивать расхотела обо всем!

– Не думаю, – ласково сообщил Селиванов, и дверь с громким хлопком закрылась перед носом неудавшейся беглянки.

Марина схватилась за ручку двери и повертела, пытаясь открыть. Но ни ручка, ни сама дверь не думали поддаваться. Они не только не подрагивали от довольно ощутимых ударов, но даже не издавали никаких привычных звуков. Стук, скрип – ничего подобного не было.

– Немедленно откройте! – возмутилась девушка. – Что вы себе позволяете?!

Потянувшись за сотовым в кармане и решив, что полицейские самые лучшие в мире люди, она не стала дожидаться, когда ее начнут бить, пытаться насиловать или что там обычно полагалось из списков самых жутких криминальных хроник. Уж лучше заплатит штраф за ложных приезд полиции после, выставит себя дурочкой и навсегда потеряет шанс найти работу, но перебдеть ей больше нравилось, чем вариант с недобдеть. Не смертельно и совсем не страшно по сравнению с тем, что происходило сейчас. Мужики в форме только наорут, а здесь она заперта наедине с двумя неизвестными, от которых непонятно чего ждать. Дикое, ненормальное требование намазать глаза, странная не открывающаяся дверь, недавний приступ в коридоре, последняя неделя, которую она провела словно под наркотическим дурманом... Что-то явно плохое происходило в эти мгновения и, увы, главным действующим лицом была именно Марина Хромова, а не какая-то левая девица.

Однако и здесь ее поджидала великая птица обломинго, щеголяя самыми розовыми из всех розовых перьев. Марина не то что сообразить не успела, даже писка не издала, как сумка полетела в одну сторону, сотовый – в другую, а она оказалась прижата к крепкой мужской груди. Очень жесткой и совсем непривлекательной в этот момент. Не помогало даже то обстоятельство, что грудь принадлежала тому впечатляющему воображение незнакомцу. Простите уж, что она не барышня из романа, но томно вздыхать и якобы испуганно трепетать ресницами, как бы это случилось в книжной любовной истории в аналогичных обстоятельствах у главной героини, она не могла. Не было в ней романтической жилки. Совсем.

Зато реакция последовала незамедлительно. Слава богу слабыми голосовыми связками Марина никогда не страдала:

– Ааа!!! Помогите!!! Пожар!!! Пожар!!!

Ведь как часто бывает? Если начать кричать о том, что убивают или насилуют, то никто и не почешется. Повезет, если кто-то хотя бы к телефону потянется, да и то... решит на полдороге, что бутерброд с колбасой и пиво предпочтительнее возможных проблем. А вот пожар – дело, касающееся всех. Никому не захочется знакомиться с необузданной стихией поближе, в которой можно потерять все свое добро, вот народ и проявляет активность.

– Спасите!!! Пожа...

На горло легла тяжелая рука и вроде бы девушку не душили, но кричать она мгновенно перестала. Как отрезало. Страшно осознавать себя той самой курицей, которой с легкостью и в любой момент могли свернуть шею, даже не вспотев. Но долго Марина не изображала статую, практически сразу попыталась вырваться из жуткого захвата.

– Отпустите! – прохрипела она, ударяя кулаками, куда получится.

– Помолчите, – одернули ее, и от этого приказа у Марины ни много, ни мало затряслись коленки, подкосились. Она упала бы на пол, если бы ее не держали. В затуманенном паникой мозгу вспыхнула мысль о том, как легко получается у мужчины удерживать ее. Хромова привыкла к своей упитанной комплекции, иногда та служила добрую службу по отпугиванию особо наглых персон в автобусах или очередях. А этот... жуткий тип держал ее слишком легко, не прикладывая никаких усилий, даже не шевелился, и совершенно не реагировал на удары – иные хотя бы морщились бы, одергивали, но не в данном случае.

Между тем незнакомец посмотрел на стоящего поодаль Селиванова, и чему-то неприятно ухмыляющемуся.

– Мазь, – потребовал тип-похититель.

Селиванов схватил банку с вязкой желеподобной массой со стола и бросил. Марина зажмурилась, ожидая услышать звон разбивающегося стекла, или удара по лбу, но ничего подобного не произошло. Оба из представленных вариантов могли случиться, бросок оказался слишком сильным, и не каждый, даже с хорошей реакцией, мог перехватить подобный снаряд. Но держащий ее мужчина легко поймал мазь, так же легко он продолжал удерживать девушку одной рукой – не человек, а Терминатор какой-то!

Марина предприняла еще одну попытку освободиться:

– Пожалуйста, отпустите...

– Тихо, – приказ, сказанный таким голосом, мог не просто заставить тут же подчиниться, при желании можно было впасть в коматозное состояние.

Она почти подчинилась, почти...

Однако пересилив себя, вновь начала сопротивляться. Что бы там эти психи ни задумали, а покорно терпеть происходящее она не собиралась. Впрочем, кричать о помощи тоже было бессмысленно: и с этой, и с той стороны кабинетной двери никто не спешил на помощь, а Бэтмен, кажется, застрял в пробке на своем бэтмобиле.

Жалкие попытки сопротивления длились недолго, как и сопротивлением их нельзя было назвать. Противостояние напоминало слона и Моську, в том плане, что одному было на все плевать с высокой колокольни, а вторая визгливо трепыхалась, но результатов жалкие попытки не давали. Через пару секунд на глаза Марине легла мягкая, пахнущая какой-то странной пряностью, мазь. Вот тогда она и замерла, подобно кролику перед волком, непроизвольно по телу побежала волна дрожи. Отчасти она была вызвана и прохладой от непонятого средства. Неизвестно, чего она ожидала, но ничего страшного не произошло: глаза не выжгло, не зашипило, они не заслезились и вообще никак не среагировали на насильственное воздействие. Как только с экзекуцией было покончено, Марину отпустили, и она медленно осела на пол. Ноги как не держали, так и не планировали поддерживать обессиленное тело.

Некоторое время она сидела неподвижно с закрытыми глазами. Нужно было отдышаться, ну и страшно было. Может мазь не действует только, когда глаза закрыты, но что будет, если она их откроет? Рука потянулась к лицу, чтобы убрать хотя бы остатки, однако никакой мази на глазах уже не оказалось. Так быстро впиталась? Девушка проморгалась и подняла голову, чтобы посмотреть на двух сумасшедших, творящих непонятно что. Но высказать ни возмущения, ни потребовать объяснений Марина не успела, осознала, что сошла с ума именно она и никто больше. Потому что окружающая обстановка резко изменилась! Куда-то делась модная, дорогая мебель и дорогущая техника, которой можно только хвастаться среди своих. Вместо этого появилась другая мебель, не менее дорогая, но разительно отличающаяся своей готической роскошью. А компьютеры, принтеры и прочее?.. Все это было, но какое-то непривычное, иное, словно она попала в Звездные Войны и теперь в реальности видела насколько они продвинулись вперед!

А все остальное? Не было больше классики и делового стиля в интерьере, было нечто темное, мрачное и готическое. Потолки и стены украшал сложный узор орнаментов, нависающие над головой тяжелые люстры напоминали тех своих старых предшественников, когда вместо лампочек в них горели свечи. Здесь свечей было множество, толстые, какого-то чернильного цвета, они горели ярким фиолетовым пламенем. Фи-о-ле-то-вым пла-ме-нем! Какой-то особый состав свечей? Но почему тогда помещение не отливало фиолетовым оттенком и было вполне себе светло и все видно? Бархатные портьеры спадали к полу и невозможно было рассмотреть ничего из того, что они скрывали. Особое внимание привлекали шкафы и рабочий стол из какого-то черного дерева, а точнее предметы, что в творческом беспорядке занимали тамшнее пространство. Собрания самых разных книг: толстых, огромных, с тиснеными переплетами, на некоторых и вовсе наблюдались небольшие замки. Стеллажи заполняли все-

возможные колбы и баночки, в которых, если глаза ее не обманывали, «плавали» различные части тел и маленькие тушки миниатюрных уродцев.

Переведя взгляд на стену справа, Марина почувствовала, как разум окончательно начал покидать ее и требовалось переосмыслить вконец сошедшую с ума реальность. Потому что та стена, которая еще несколько минут назад была просто стеной, обзавелась громадным камином, в котором горело черно-фиолетовое пламя, а в этом пламени, точно кошка, развалилась ящерица. Хотя... Да клыкам и размерам этого чешуйчатого создания позавидовал бы любой комодский варан! А уж когда она уставилась на Марину парой злобных глаз, напоминающих топазы, захотелось с визгом убежать прочь. Сглотнув, она подняла голову над камином и увидела скопище голов, принадлежащим чучелам-чудовищам. Самым разным: и с животными чертами, и с ужасным переплетением звериного и человеческого, и вовсе не имеющего ничего общего с фауной, какой бы та не была. Чучела не просто висели, но еще и весело скалились, разглядывая ее, кто-то из них ухмылялся, а кто-то и вовсе подмигивал! Живые? Живые!

Марина перевела остекленевший взгляд на парочку ненормальных, опасных типов, но с определениями она явно поспешила, как и сюрпризы не закончились. Селиванов обзавелся алой кожей, миниатюрными рожками на голове и хвостом с кисточкой. Этаким черт-делец из преисподней, который по мановению волшебной палочки готов вытащить из карманов договор на продажу души. Второй же, так и неназванный, был окутан легкой фиолетовой дымкой, будто шлейфом плаща. Его руки обзавелись черными когтями, которые на глазах втянулись, став обычными, но цвет не поменяли, изменились и глаза: исчез белок, его полностью залил темно-фиолетовый цвет. Выглядели оба слишком чуждо, чтобы в полной мере смочь осознать происходящее за какие-то жалкие мгновения.

Словно вокруг Хромовой ожила сказка, только очень страшная сказка, которая и в кошмаре не приснится.

– Быть не может, – выдавила Марина, когда смогла говорить.

– Ну отчего же? – хохотнул Селиванов. Звук получился настолько мерзким, что ее передернуло. – Может, все может. Вы, госпожа ректор, все же встаньте с пола – вам теперь по статусу не полагается на нем сидеть.

Госпожа ректор?! Какой к дьяволу ректор?! Лиц такого полета избирают-назначают совсем иначе, и уж точно не через Центр занятости! И вообще... в договоре другая должность стояла. Стоп! А стояла ли? Почему же она совсем не помнит текста в злополучном договоре? Или она его не читала вовсе?

– Вы не ослышались, Марина Даниловна, – увидев ее реакцию, прокомментировал Селиванов. – С тех пор, как вы подписали договор, вы стали новым и уважаемым ректором Всемирной Навьей Академии для Трудновоспитуемых и Неподдающихся. Может, вы все-таки присядете в кресло?

– Не знаю, что здесь происходит, но в договоре ничего не говорилось про должность ректора! – выдала она, когда дар речи вернулся. Да и то... выдала хоть что-то, потому что остальное еще не осознала в полной мере.

– Вы можете почитать свой трудовой договор, никто вас не остановит, – лениво пожал плечами... черт.

Боги, неужели она заключила сделку с дьяволом? С настоящим? На что она вообще подписалась?

Хромова вскочила на ноги, чтобы взять лежащий на столе документ, который к ней предусмотрительно подтолкнули, и вчитаться в написанное. Потом то же самое она сделала со своим, достав тот из сумки. Она перечитывала листы снова и снова, но, могла поклясться, теперь читала совсем не то, что значилось в первоначальном варианте неделю назад. И да, наконец-то она видела наглядно все то, что терзало ее мысли до подписания и то, что перестало волновать, когда подпись оказалась поставлена. Моргнув, она уставилась на ярко-крас-

ное пятно рядом со своей подписью. Это тоже что-то значило? Кровь и договор с дьяволом... Было бы смешно, если бы не стало так страшно. Паника накрыла, как прилив.

– Что вы со мной сделали? Я никогда...

...не была такой неосмотрительной и до глупости беззаботной. Даже в самые юные годы или, когда сложно было думать, она всегда ответственно подходила к подписанию любых документов, а мелкий шрифт читала чуть ли не в первую очередь. Почему же в этот раз она поступила иначе? Совсем не похоже на нее, состояние напоминало некое помутнение.

– Ничего сверх того, что не позволялось лицензией, – ответил Селиванов – он явно наслаждался происходящим, как матерый садист, – немного воздействия, короткий по времени блок на ваши мысли и чувства, и вуаля! – вы наш новый начальник. Временный, правда, но... начальник самый настоящий.

Слова про «временного начальника» Марине совсем не понравились.

– Что значит «временный»? Почему я?

Впервые за короткое время, что они были знакомы, Степан Игнат... К дьяволу! Козел рогатый он, а не Степан Игнатьевич! Так вот, первостатейный козел изобразил что-то похожее на улыбку.

– Вы меня радуете, Марина Даниловна. Определенно радуете. Ваши предшественники начинали биться в истериках или падать в обмороки, когда им открывалась наша реальность. Начинали кричать и задавать кучу глупых вопросов. Кто мы такие? Где они находятся? Что с ними будет? Можем ли мы их отпустить? А вот вы перескочили сразу такой большой список вопросов и перебрались к самому главному. Если выживите, мы определенно подумаем, как строить наши дальнейшие отношения. Такими кадрами грех разбрасываться.

У Марины и без того все внутри напоминало смерч из внутренностей, а после этих слов поплохело окончательно.

Она разжала стиснутые зубы и процедила:

– Ответьте мне.

– Все просто, Марина Даниловна, – не стал больше ерничать и разглагольствовать черт, – вы попали в список, так сказать, смертников. Понимаете, Навья Академия испокон веков была местом особенным, и все было бы замечательно, если бы кто-то не повадился убивать каждые полгода ректоров этого замечательного образовательного учреждения. Прежде чем идиоты в Совете Попечителей очухались, и дали карт-бланш на любые действия, Академия потеряла трех многообещающих представителей ректорского сообщества. А уж после того, как проворонили и пятерых живцов из Списка, мы, Наблюдательный Совет, решили взять все в свои надежные руки. Были произведены масштабные изменения и перераспределение, виновные в неудачах были отстранены от должностей и наказаны. Прошла огромная работа, прежде чем мы достигли сегодняшних результатов. Так что можете считать себя польщенной и гордиться тем, что вы стали избранницей в такой звездной команде, собранной благодаря нашим стараниям. Возможно, у вас даже есть шанс выжить... конечно, если никто из наших «звезд» сам вас не убьет. С последним живцом именно это, кстати, и произошло. Но не отчаивайтесь, Марина Даниловна, если вы умрете, компенсация за вашу жизнь вашей семье, позволит той существовать безбедно до конца дней. Согласитесь, мелочь, а приятно.

После длинной тирады Селиванов повернулся к молчаливому незнакомцу и очень почтительно, почти подобострастно поклонился ему:

– Лорд Кайдэс, мое присутствие вам еще требуется?

– Нет, можете идти.

– Тогда вынужден откланяться, до свидания.

Однако перед тем, как выйти за дверь кабинета, черт залихватски повернулся и посмотрел на растерянную девушку:

– Ах да, чуть не забыл! Добро пожаловать в Навь, Марина Даниловна.

И только после этого ушел, злорадствуя непонятно чему.

Добрые дела до добра не доводят, а поиски работы – тем более. Или правильнее сказать: добрые дела не остаются безнаказанными? Марине Хромовой было без разницы, да и не в доброте было дело. А в стечении обстоятельств, в законе подлости, в стервозной судьбе и еще ряде определенных и не очень обстоятельств. Замерев посреди волшебного кабинета, не выпуская злосчастный трудовой договор из рук, уставившись на листы бумаги, но ничего не видя, она совсем не представляла, что делать дальше. Побиться в истерике? Потерять сознание? Поплакаться? Повозмущаться и покричать? Разбить все хрупкие предметы в кабинете? Начать сочинять страшную месть подлым злодеям, втянувшим ее в большие неприятности?

Марина посмотрела на оставшегося с ней мужчину. Лорд Кайдэс... так его называли?

– Могу я увидеть лицензию и список смертников, о которых упоминал... господин Селиванов? – практически прокаркала она, стараясь держать себя в руках. Она еще многого не понимала, терялась в тысяче догадок, но нужно было начать хотя бы с чего-то разбираться в обрушившейся на нее реальности.

Плакать? Позднее. Все, не способное сохранить ей жизнь, позднее.

До сих пор равнодушный взгляд, смотрящий на нее, как на предмет мебели, на миг сверкнул чем-то новым. Если бы в этот момент Марина не смотрела ему прямо в глаза, не заметила бы изменений.

Кайдэс отвернулся и направился к выходу:

– Ждите здесь.

Вот и второй участник неприятных событий оставил ее.

Марина несколько секунд продолжала стоять, будто ждала, что кто-то еще войдет внутрь кабинета. А потом обессиленно упала в стоящее за ней кресло, упала бы и на пол, но, к счастью, хоть здесь повезло.

– Это правда, самая настоящая правда, не галлюцинация, не бред, а реальная правда, – руки затряслись, накатила такая слабость, что невозможно было описать словами, перед глазами замелькали темные круги и закружилась голова.

Марина глубоко задыхалась, усилием воли стараясь заставить себя побороть приступ паники и уход в несознанку – они сейчас не помогли бы никак.

– Естественно правда, сестренка, – вдруг раздалось веселое откуда-то сверху, – а ты думала мы в сказке? Заруби себе на носу, ты не спятила, а мы не галлюцинации.

Оказалось, что говорила одна из чучел-голов: громадная бычья морда с тремя рогами и тремя глазами. Мимика у нее была воистину шедевральная, практически каждую секунду мышцы морды двигались и менялись, живя собственной жизнью.

– Да не парься так, сестренка! Подумаешь, узнала о Нави! Мелочь! Но взгляни на это с другой стороны: сколько возможностей тебе с этих пор открываются, и ты больше не слепая, ограниченная в незнании девица, как другие явьи. Му-у-у, здорово!

Восторгов чудовища без тела Марина пока разделить не могла, как не могла и в полной мере осознавать, с кем именно говорит. В том смысле, что крупницы неверия во все потустороннее, что впитывались в умы детей с младенчества, сейчас сильно воевали с тем, что происходило с ней в реальности. Как и переживала она не столько оттого, что попала в другой мир – в конце концов, это вполне можно было пережить, после ряда шоковых ступоров и обмороков. Но вот то, что своей собственной рукой подписала себе смертный приговор, она смириться не могла и не хотела.

Сообщать о своих мыслях и страданиях окружающим Хромова не собиралась, зато решила восполнить пробел в образовании.

– Что такое Навь, и кто такие явьи?

– Мну-у-у, это... – на миг голова задумалась, и девушке показалось, что она была не очень сообразительной.

Зато ответила другая: похожая на человеческую, только с львиной гривой и с тремя рядами мелких клыков во внушительной пасти.

– Сестренка, существует две стороны бытия: Явь и Навь. Явь – это ваш, человеческий мир и живут там люди, по-нашему – явьи. Навь – это уже мы, потусторонние сущности. Мы существуем одновременно, на одном и том же пласте бытия, однако в параллельных... измерениях. То есть взять, к примеру, это здание. В Яви оно преуспевающий холдинг, а в Нави – Всемирная Академия, и все это одновременно. Как темная и светлая стороны луны или две стороны одной медали. Ясно, сестренка?

– Более-менее, – пробормотала она.

Это что же получается? Вот живет она в своей квартире, одна живет, а где-то с другой стороны (где бы та ни находилась) кто-то тоже живет в этой же самой квартире. Или это вовсе не квартира уже на той стороне реальности, а что-то еще? Так и запутаться можно, и сойти с ума, если начать размышлять о таких высоких материях, не имея, как минимум, мозгов Эйнштейна.

– Пс-с-с, сестренка, – вмешалась в разговор уже третья голова: собачья и рогатая, – слушай, ты, это... может издашь указ, чтобы нас допустили на жилые этажи, а? Мы бы там пригодились.

– Ага, – захихикал кто-то из остальной головастой братии, – мы будем очень зорко следить за студентами и преподавателями. Следить, не жалея живота своего, хотя у нас и живота-то нет! – и расхохотался собственной шутке. Некоторые головы его даже поддержали. – А еще было бы здорово в душ для девочек попасть! М-м-м, просто мечта! – последнее было сказано с характерными пошловатыми нотками в голосе, ну очень неприлично звучало.

Марина практически не слушала безостановочную болтовню странных созданий, отмахнувшись, как от надоедливых мух. Но все же кое-что привлекло ее внимание.

– Моя должность – обычная фикция, ребята. Вы же слышали, я здесь в качестве наживки... на убийцу, наверное. Как понимаю, у меня нет никаких прав, вообще ничего... нет.

Еще бы хорошо было узнать, насколько плачевно ее положение. Наживка наживкой, а варианты по степени безнадежности имеются, хоть пока только в мыслях. Хорошо еще, что ей не отказали в праве посмотреть документы и узнать больше о передрыге, в которую она попала.

– Ну да, ты очередная смертница, – фыркнула умная львино-человеческая макушка, – но все равно ректор ты самый настоящий, иначе бы не смогла оказаться здесь. Навья Академия приняла тебя, а потому, уясни, она в твоей полной и безоговорочной власти.

Хромова прищурилась, теперь уже более осознанно воспринимая разговор с головастиками, как она мысленно окрестила чучел. Если Академия, которую ей навязали, в ее власти, то какие преимущества это дает? Может ли она отказаться от столь важной, но смертельно опасной должности? Если не может, то как выжить в этом чудовищном, незнакомом месте, будучи совершенно беспомощной? Да, определенно на повестке дня главным вопросом был: не верить или верить в сверхъестественное, а как выжить в потустороннем мире и вернуться домой. Марине совсем не нравилось происходящее, и очень сильно хотелось вернуться домой. Взгляд невольно метнулся к зашторенному окну, но сил встать и посмотреть на вид снаружи, не было. Коленки, да и все тело тоже сотрясались мелкой, но неприятной дрожью.

Когда же мурашки прекратили бегать табуном по коже, и Марина поняла, что сможет удержать в руках что-то тяжелее перышка, то вновь потянулась к трудовому договору. Ей есть чем заняться: нужно было вычитать его от корки до корки, чтобы окончательно понять, на что подписалась. Углубившись в чтение, некоторые фразы или абзацы текста она перечитывала по несколько раз. Не будучи юристом сложно было судить о некоторых вещах, но с другой сто-

роны, даже для ее восприятия текст был понятен и разложен по полочкам. Ничего завуалированного или провокационного, и от этого даже как-то грустно становилось. Потому что пришло горькое осознание: выбора у нее действительно нет, без вариантов и может быть. Оставалось только смириться с неизбежностью. Марина официально, по закону стала ректором Навьей Академии, потустороннего обиталища студентов, преподавателей и прочих странных личностей. Но также она была и наживкой для загадочного убийцы, расходным материалом, пока его не найдут. Кстати, в договоре она все-таки нашла пункт о расторжении. Он обещал ей большие последствия, едва ли не хуже статуса «смертница», и заканчивался все той же мучительной, безвременной смертью. Если в первом случае шанс все-таки был, то во втором никаких шансов.

Через некоторое время дверь кабинета с грохотом распахнулась и внутрь вползла гигантская фиолетовая ящерица. Об этой зверюге Марина забыла практически сразу, и даже не заметила, как та исчезла на время. И так была потрясена шквалом оживших ужасов. Очень сильно захотелось забраться на кресла, стол, шкаф, куда-нибудь повыше. Особенно, когда поняла, что чешуйчатое создание бодро и достаточно ловко для мощного тела поползло к ней. Это как с крокодилами или медведями: кажутся неповоротливыми, медлительными, а на самом деле могут дать фору любому зайцу при желании. Увидев приближение ящера, Марина едва не соскочила с кресла в намерении бежать, но не успела. Зато ползучий монстр спокойно водрузил на стол толстую кипу бумаг и папок. Держал их пастью за веревку, которой те были перехвачены. Приглядевшись и прочитав то, что было на первых листах, Хромова поняла, что это обещанный привет от Кайдэса. Она бы восхитилась оригинальной почте больше, не будь та зубаста, когтиста и не поглядывай на нее оценивающе-гастрономически.

Издав несколько истеричный смешок, Марина дождалась, когда зверушка отползет подальше. Переведя взгляд на документы, она стала размышлять: стоит ли ждать возвращения мужчины или можно начинать смотреть? Рука на миг замерла, когда она все-таки потянулась к бумагам, но потом решила, что, в конце концов, имеет право знать и копаться в содержимом этих документов более кого-либо. В последующие часы Марина углубилась в чтение, усилием воли заставив себя абстрагироваться от окружающей действительности. Болтовня чучел на стене стала отдаленным шумовым фоном, который не нервировал и не мешал. Треск фиолетового пламени в камине и вернувшаяся в него ящерица, смешались с их бормотанием, отодвигая звуки еще дальше и помогая девушке полностью раствориться в необходимой работе. Она не собиралась тратить ценные часы на бессмысленное разглядывание окружающей действительности (судя по всему, времени на Варварино любопытство у нее будет достаточно в будущем). Она не собиралась и отправляться на поиски приключений, совершать глупости или ждать спасения.

Вместо этого Марина сосредоточилась на действительно важных вещах, а именно на том, как бы ей выбраться из западни с минимальными потерями, если уж не получалось вообще без них.

Когда некто нарушил ее уединение, Марина не заметила, только подскочила на месте при звуке безэмоционально-спокойного обращения: «Госпожа ректор».

– Нельзя же так пугать! – почти взвизгнула она, вдруг осознав, что вылетела из кресла со скоростью ракеты и непонятно как оказалась сидящей на столе. Сердце гулко билось в груди, бумаги, которые читала, разлетелись вокруг, а с трудом вернувшееся самообладание вновь собиралось бросить ее на произвол судьбы.

Потревоживший ее спокойствие Кайдэс (или как его там), остался невозмутим.

– В Нави вам потребуются железные нервы, советую начать их тренировать.

– Спасибо за совет, – выдохнула она, спустившись на пол и принявшись собирать листы.

Удивительно, но мужчина ей помог, а не остался стоять столбом. Закончив с наведением порядка, он протянул ей уже знакомую баночку с мазью.

– Наносите себе на глаза каждое утро или каждый вечер, это позволит вам видеть Навь. Когда закончится, скажите мне.

Марина взяла ту в руки, повертела, разглядывая более внимательно, а потом все-таки обратилась к нему:

– Вы можете представиться? Вы меня знаете, а я вас все еще нет.

– Кайдэс Зелхар тил Фианах, временно исполняющий обязанности проректора.

– Степан Игнатьевич, назвал вас по титулу. Вы аристократ?

– Да, но в Академии это непринципиально, можете обращаться ко мне по имени. Нам предстоит много времени проводить вместе и на подобные мелочи не стоит отвлекаться.

Марина чуть вздрогнула: проводить время с ним особо не хотелось. Несмотря на то, что он не причинил ей вреда, не сделал больно, но держал ощутимо. И она еще нескоро сможет относиться к нему без настороженности или опасения.

– Значит вы один из тех, кто расследует убийства ректоров? Член новой команды?

– Верно, поэтому со всеми возникающими вопросами можете обращаться ко мне.

После этих слов на душе стало немного легче. Неужели во всей кошмарности ситуации, есть и светлые моменты?

– Я думала...

– Что вас привели на убой, и оставят слепым и беспомощным котенком?

– Что-то вроде того.

Кайдэс окинул ее внимательным взглядом:

– Марина Даниловна...

– Можно просто Марина, когда мы наедине, в церемониях действительно нет смысла.

– Хорошо, Марина, вы живец на убийцу и смертница, если дело действительно примет самый худший оборот. Но просто так ждать вашей смерти и допускать ее, никто не собирается, это не в наших интересах.

– Это обнадеживает, – она немного постояла, закусив губу и обдумывая услышанное. – Могу я узнать подробности о смертях ректоров и их замен? – спросила она, решив, что и здесь имеет право голоса. В конце концов, следующей на очереди была она.

Губы Кайдэса едва дрогнули в улыбке, и оказалось, что он совсем не ледяной статуей.

– Вы интересная девушка, Марина. Хорошо, отчеты вы тоже получите.

– Так легко? – удивилась она. Решила, что придется повоевать, поупрашивать, а тут даже напрягаться не пришлось.

– Это не секретная информация, на данный момент.

Оказалось, что на этот раз Кайдэсу никуда не нужно ходить – дело об убийствах хранилось в этом кабинете, принадлежавшем ему.

Наблюдая за тем, как он достает из сейфа очередную папку, Хромова задумалась о той легкости, с которой удалось получить нужные сведения. Не означало ли это, что все не очень плохо? Или, наоборот, еще хуже, чем она предполагала?

Какое-то время они провели в кабинете проректора Навьей Академии. Исключением было лишь посещение уборной, которая у Кайдэса находилась в небольшой нише, тщательно спрятанная между стеллажами шкафов. Внутри даже душ и ванная нашлись! Интересно зачем? Но спрашивать Марина постеснялась, и не стала беспокоить ненужными вопросами. По возвращении она вновь засела за тщательное изучение кип документов, к которым прибавились отчеты расследования. В это время Кайдэс занимался своими делами, краем глаза она отметила, что они касались студентов, что-то связанное с экзаменами. Внимание снова вернулось к листкам с отчетами об убийствах, весьма плачевными отчетами, даже она это понимала. Никаких подробностей, никакой информации, никаких действительно важных сведений. Будто те, кто до этого расследовал убийства ректоров, умирающих неизвестно отчего, сознательно ста-

рались загубить расследование. А у последнего ректора, которую она и заменила, лист вовсе оказался девственно-белым.

– Кайдэс, скажите, – Марина решила привлечь внимание мужчины, – это действительно все, что есть?

– Действительно, – последовал невозмутимый ответ.

– Но... как такое возможно?! – воскликнула она. – Я, конечно, не особо разбираюсь в полицейской работе (не знаю, как в Нави называется данный орган), но восемь жалких листочков отчета на восемь убийств, трое из которых очень важные персоны, явно не тянут на серьезную работу. Вообще на хоть какую-то работу. Это детский сад и насмешка над расследованием.

На волевом лице Кайдэса проскользнула усмешка – острая и стремительная, как молния:

– Вам действительно интересно знать?

– Мне не хочется умирать и стать точно таким же листком с парой фраз.

– Тогда сейчас мы представим вас преподавательскому составу и студентам, а после поговорим более детально. Разговор будет серьезным, поэтому нужно, чтобы нас никто не отвлекал.

Уж лучше бы они поговорили! Марина растеряно хлопала глазами и совершенно точно ни с кем знакомиться не желала! Она-то наивно полагала, что в связи с ее особым статусом, ей не светят обязанности ректора, даже несмотря на слова головастых чучел. Увы и ах, насчет этого ее просветил заместитель, сообщивший прямо сейчас, что отвертеться не получится. Хотела или нет, но Хромовой предстояло исполнять обязанности ректора. Как – никого не волновало.

– Почему вы сразу не сказали?! – возмущение и паника накрыли с головой. Затряслись поджилки? Марина ощутила себя самым трясущимся холодцом во всем мире.

– Разве это не логично? – виноватым себя черноволосый интриган совсем не чувствовал. – Вы новый ректор, учащиеся и работники Академии не могут не познакомиться с вами. Даже если бы вас взяли на должность обычного преподавателя, знакомиться со студентами и коллективом пришлось бы в любом случае.

Марина снова открыла рот, но не издала ни звука. Логично... логично в ее собственном мире! А от этого она не знала, чего ожидать, и вообще ничего не знала.

Кайдэс, встал с места и остановился только на пороге кабинета, придерживая дверь:

– Прошу, госпожа ректор, вас все ждут.

Почему-то его спокойный голос и уверенность помогли справиться с очередным всплеском эмоций. Сложно, очень сложно контролировать себя. А кто бы смог? Вот кто бы смог залихватски махнуть на все рукой, принять за пару часов реальность потустороннего мира и собственную незавидную участь? Если такой гений и был, то наверняка сидел в одной из психушек ее родного мира.

Марина направилась к выходу, радуясь, что более-менее успела успокоиться за тихие часы изучения документов. Однако дальше случилось нечто очень странное в ее понимании: прозрачный фиолетовый дым у ног мужчины уплотнился, и, выскользнувшее из него, громадное щупальце стремительно пронеслось мимо девушки. Помнится как-то раз она наткнулась на ролик в интернете, где осьминог душил крокодила. Обычно она подобное насилие не любила и сразу выключала, однако в этот раз опоздала. То зрелище произвело на нее сильнейшее впечатление, и с тех пор глупые шутки про щупальца осьминога и хентайские тентакли ее совсем не смешили. Ни тогда, когда осознаешь, что они могут сотворить с одним из самых опасных хищников на планете.

Вот и сейчас Марина с каким-то первобытным, затаенным ужасом наблюдала, как темное, гибкое щупальце осторожно обхватило, лежащие на столе документы, и ловко спрятало их в сейф.

– Госпожа ректор, пора, – позвал ее Кайдэс, – не будем опаздывать.

– Конечно, – пискнула она, решив, что начинать новую жизнь со столь экстремальных событий как-то все же слишком.

ГЛАВА 3

– Этаж, на котором мы сейчас находимся, занимают личные кабинеты преподавательского состава, доступ студентам сюда запрещен, – заговорил Кайдэс, когда девушка переступила порог кабинета проректора. При этом он встал так, чтобы до некоторых пор она не увидела окружающую обстановку. – По счету он тридцать седьмой. Тридцать шестой и тридцать пятый этажи также отведены для личных кабинетов. На тридцать четвертом, тридцать третьем и тридцать втором этажах расположены преподавательские кафедры, начиная с тридцатого этажа и ниже идут лекционные и тренировочные залы, лаборатории и студенческие клубы.

– Все тридцать этажей для студентов? – Марина прикинула в уме всю площадь Академии, и очень... очень сильно впечатлилась.

– Навья Академия огромна и студентов в ней много, это настоящий лабиринт, который вам будет сложно освоить без проводника, – разъяснил мужчина и кивнул в сторону последовавшей за ними фиолетовой ящерицы. – В те тридцать этажей входят столовые, комнаты отдыха, библиотека, кафедры, где студенты могут контактировать с преподавателями, медкабинеты, и прочая необходимая для работы инфраструктура. К тому же, некоторые этажи или утрачены, как тридцать первый, или нестабильны. Пять этажей вверх после тридцать седьмого отведены для рабочего персонала Академии: сторожи, уборщики, повара и многие другие служащие, без которых невозможно было бы существовать. Еще пять этажей над ними отведены для личных квартир преподавательского и рабочего состава.

– Они живут здесь?

– Многие имеют жилье и вне Академии, однако это не мешает им проживать в замке, пока длятся сессии. Ваши будущие апартаменты расположены там же. Над ними располагаются шесть этажей с рабочим инвентарем, дополнительной мебелью, складами, и еще шесть с защитными блоками и заслонами.

– Как-то... не очень удобно у вас: склады непонятно на каких верхотурах, бедному рабочему персоналу надо бегать за инструментами в Тьмутаракань... Стоп! Какими такими заслонами? – сообразила Марина. – Подождите! Сколько же в Академии этажей?

Кайдэс, словно читая лекцию, оставался невозмутим, как Будда:

– Никто точно не знает настоящее количество этажей. В Навьей Академии четыре крыла: Закатное, Рассветное, Вечернее и Полуденное. Каждое крыло имеет свое предназначение и размеры. По последним подсчетам в Закатном крыле насчитывалось – сто семь этажей, в Рассветном – семьдесят пять, в Вечернем девяносто девять и в Полуденном шестьдесят шесть. Замок постоянно меняется, сам себя строит и конструирует, однако этажи никогда не убывают меньше, чем до шестидесяти, только добавляются.

– Разве подобное не опасно?

– Опасно, поэтому и необходимо присутствие ректора. Отчасти он контролирует, чтобы хаотичность Навьей Академии не превысила норму. Здесь есть стабильные участки, те же, что способны навредить закрываются и охраняются, это и есть заслоны и щиты.

– Ужас какой, – пробормотала девушка. Как же здесь учатся и живут?

– Вы привыкните, – пожал плечами Фианых, – не все так страшно, как кажется. Вечернее крыло полностью отведено под студенческое общежитие. На территории Академии, помимо самого замка, расположены ангары, конюшни, теплицы, под самим зданием находятся подвалы, которые уходят вниз многослойными этажами. Ниже тридцать шестого уровня никто не спускался, но безопасными считаются только первые десять. Аналогично и с верхними этажами, до которых мы не добрались и никогда не доберемся. Башни, как понимаете, остаются

территорией самой опасной и неизведанной. Это вводный курс, чтобы вы имели хоть какое-то представление, куда попали.

Марина кивнула, погружившись в собственные мысли. Информация была важной, ошеломительной и пугающей – иначе не скажешь. Получалось, что замок был отчасти живым и напоминал тот легендарный лабиринт Минотавра, в котором не только можно заплутать до старости, но и попасться кому-то на зубок. Девушка скосила глаза, но фиолетовую зверюгу рядом с Кайдэсом. Проводник? В чем выгода иметь такого и как его завести? Но идея разузнать об этом создании немного отступила, потому что Кайдэс наконец перестал загораживать ей обзор и отошел в сторону. А она едва сдержала восторженный возглас, рассмотрев окружающую обстановку. Почему-то Академия ей представлялась весьма мрачным и жутким местом, как в фильмах ужасов: много темных углов, гуляющих сквозняков, жутких звуков и паутина на стенах. Однако все оказалось совсем не так. По крайней мере, этажи с личными кабинетами преподавателей под это правило не подпадали даже близко.

Изумрудные, ворсистые ковры стелились под ногами, казалось, что в них легко возможно было плавать. Окон тут не было, но все равно на стенах висели тяжелые золотисто-коричневые шторы. Одни создавали видимость дополнительных рам для многочисленных картин, изображающих представительных мужчин и женщин. Некоторые из портретов имели и вовсе нечеловеческий вид. Другие прикрывали незаметные проходы в неизвестные комнаты, которые на проверку оказались уборными. В глазах пестрело от многочисленных дверей, ведущих в кабинеты нынешнего состава преподавателей. Они напоминали сказочные миниатюрные ворота, украшенные изумительной резьбой и специальными именными табличками. Немного походив вдоль всех этих чудес и порассматривав интересующую ее моменты, Марина преодолела ширину коридора в метра три длиной, и остановилась у перил, ограждающих коридор от пропасти с другого края.

Чуть наклонившись и держась за них, она поразилась высоте, на которой они находились. Не то, что возможно было разглядеть дно, оно как будто бы здесь вовсе не предполагалось. Приглядевшись, Хромова поняла, что видит даже некое подрагивание воздуха, уплотняющегося в некоторых местах и словно крутящегося в миниатюрных водоворотах или смерчах, кому как было удобнее называть. Через некоторое время у нее голова закружилась от наблюдений за прозрачно-перламутровыми завихрениями, и она поспешила отвлечься на что-то другое. А другое было не менее интересным: между этажом, на котором находилась она, и этажом выше, парила невероятных размеров хрустальная люстра, переливающаяся мягкими золотистыми бликами от сотен свечей. Каждый язычок маленьких светил имел какую-то индивидуальную форму, начиная от животных и заканчивая различными предметами.

– Какая красота! – выдохнула девушка.

– Рад, что вам нравится, – заметил Кайдэс, – но нам нужно торопиться.

Вот так Марину и спустили с небес на землю. Весьма действенно, когда за спиной раздается бесстрастный, суховатый голос.

– Конечно, – вздохнула она, оборачиваясь, – идемте.

Марина старалась не отставать от Фианаха, как оказалось, возможно было даже на одном этаже заплутать, если быть невнимательной. Но при этом она не забывала смотреть по сторонам, впитывая визуальные картинки подобно моющей губке. Навья Академия для Трудновоспитуемых и Неподдающихся сочетала в себе несколько архитектурных стилей. Марина некоторое время увлекалась архитектурой, поэтому более-менее могла отличить одну от другой. Первой и преобладающей был антураж готики, по большому счету пламенеющей готики. Вторым же стиль относился к временам Ренессанса, если она не ошибалась. Где-то действительно имелись мрачные, пугающие тона, но в большинстве своем вокруг было ярко и красиво. А ведь все это время они шагали по одному и тому же этажу, никуда не поднимаясь и не спускаясь. Девушке только и оставалось, что гадать, куда именно ее вел провожатый, и где будет проходить

ее представление местным. Немного удивлял тот факт, что никто не попадался им на пути, однако она тут же сообразила, что обитатели Академии наверняка уже ждут знакомства с ней.

Все же странно и дико было понимать, что огромная толпа ожидает именно ее и никого больше. Словно маленькая моська вдруг заняла место слона, и никак не могла понять, что с тем пьедесталом теперь делать.

– Здесь, – Кайдэс наконец-то остановился.

Марина огляделась и недоуменно посмотрела на него. Все тот же коридор, все то же ограждение, те же двери, но ни намек на лестницу или лифт, или что там у них было для спуска вниз. Ведь общий сбор будет проходить внизу, или она ошибается?

– Люстра не помешает, – как-то расплывчато пояснил мужчина.

В душу девушки закралось нехорошее предчувствие, и она сделала шаг назад. Наученная горьким опытом, она скорее собиралась довериться какому-нибудь незнакомцу, чем такому непредсказуемому и скорому на расправу проректору.

Но все-таки решила уточнить:

– Где будет проходить собрание?

– На площади Академии, – пояснение пришло незамедлительно.

Марина сглотнула:

– Как мы спустимся?

– Прыгнем.

Больше не спрашивая ничего, Хромова развернулась и сорвалась прочь. Может высоты она и не боялась, но самоубийцей точно не была. Но претворить план побега в жизнь не успела, ее обвило шупальце вокруг талии и подняло над полом. Легко, будто она ничего не весила.

– Да вы с ума сошли! – заорала она, пытаясь отцепить от себя мощную конечность.

– Успокойтесь, госпожа ректор, – невозмутимо проговорил Кайдэс, – нам некогда добираться до первых этажей обычным способом. Лифты в целях безопасности останавливаются на каждом этаже и держат распахнутыми двери ровно по три минуты. Лестницы – слишком длинные и запутанные, как лабиринты. К тому же своевольны, и могут заставить побродить по этажам, прежде чем доставят куда нужно. Потайные ходы наполнены всевозможными ловушками, изучить их пока не представилось возможным. Телепортация же в Академии не действует. Спрыгнуть проще всего.

– И отправиться на тот свет? – возмутилась Марина. – Может я и подписалась быть жертвой, но не собираюсь умирать таким способом и так скоро! Пустите, я лучше погуляю по этажам, осмотрю, экскурсию устрою самой себе!

Устало вздохнув, ненормальный представитель навьего племени легко запрыгнул на перила и заговорил, будто ребенку объяснял:

– Вы можете не бояться – я не позволю, чтобы вы разбились, и доставлю вас на первый этаж в целостности и сохранности.

При этом Кайдэс стоял ровно, не покачиваясь и не теряя чувства равновесия. Даже гимнасты на своих бревнах обзавидовались бы подобной устойчивости. При этом шупальце легко сместилось в сторону обрыва, повиснув над ним. Марина, пискнув, зажмурилась – а не собирались ли ее прямо сейчас таким жестоким образом отправить на тот свет? Ну откуда она знала, что он не тот самый убийца ректоров, которого все якобы ищут?

– При всем уважении к вам, Кайдэс, но люди не летают – выдохнула Марина, и все-таки рискнула посмотреть вниз. А посмотрев, поняла – зря, голова тут же закружилась и ей окончательно поплохело. Надо потерять сознание! Срочно!

Следующим оказался резкий рывок куда-то, отчего она одновременно ахнула и от неложиданности открыла глаза. И оказалась нос к носу с Фианакхом, болтаясь уже перед ним. Ноги невольно искали опору, сердце заходило в безудержном стуче, а в голове шумело от страха.

Да и висеть в невесомости, оплетенной странной морской конечностью, было не очень удобно; крепко и, вроде, надежно – да, но неудобно.

– Верно, госпожа ректор, люди не летают, – протянул теперь уже ее личный заместитель, позволив увидеть, как в фиолетовых глазах закружился стремительный, затягивающий водоворот силы. – Однако в Нави нет людей, кроме вас, и чем быстрее вы это поймете, тем лучше.

С этими словами он прыгнул вниз.

Вопль вырвался у Марины непроизвольно, в ушах засвистело от скорости падения, хотелось бы потерять сознание, но как на зло отключаться организм не собирался. Теперь она старалась не отодрать от себя щупальце, а вцепилась в него, как кошка, и все равно ощущал монстр в человеческом обличье ее ноготки в плоти или нет. Казалось сердце, внутренности, пресловутая душа волной поднялись к горлу, а потом рухнули куда-то в пятки. Марина то закрывала глаза, то открывала, никак не в силах понять, что страшнее: не видеть или видеть. Стремительно проносились мимо пролеты этажей, какие-то лестницы и ускользающие образы чего-то непонятного, пока она вообще не перестала что-то различать. Не то движение замедлилось, не то настолько ускорилось, что все смазалось – сложно было понять в сумасшедшей круговерти. Падение вниз вызывало у Хромовой стойкое желание отключиться, забыться и вообще немного вздремнуть. Так в самолетах летаешь: вроде бы и движешься, но во сне время проносится незаметно. Было невероятно, просто нереально страшно падать вот так.

– Боги, пожалуйста, пусть это быстрее закончится, – приглушенно провела она.

– М-м-м, боишься? – вдруг раздалось совсем рядом, только голос не принадлежал Кайдэсу.

Марина так удивилась, что принялась осматриваться, ошарашенно ища нового собеседника. Та-а-ак, она не поняла, у них здесь воздушно-падающая трасса?

Практически сразу разглядела мужчину, падающего прямо напротив нее, на том же уровне, словно он мог контролировать это самое падение. А уж поза у него была! Вылитый Багз Банни! Только морковки и не хватало в этой чудной картине, как и не хватало незнакомцу забавности кролика. Наоборот, ему больше подходил какой-нибудь фильм ужасов с самым кошмарным сценарием и рейтингом повыше. Незнакомец нагло ухмылялся ей, сверкая желтыми глазами. Резкие, жестковатые черты лица выглядели одновременно притягательно и пугающе, как две противоположности. Нос пересекал горизонтальный шрам, левое ухо и губу украшал пирсинг, белые волосы развевались из-за сильных потоков воздуха вокруг. Телосложение у «кролика» было худощавое, мускулистое, а кожу покрывали многочисленные шрамы, которые хорошо виднелись в майке-безрукавке. По правой руке ползало нечто очень похожее на тьму, которая напоминала чем-то вязкую смолу. Это нечто, то исчезало вовсе, а то покрывало всю конечность, трансформируя ее в когтистую лапу.

Наверняка у него отбоя от девушек не было. Ведь известно, что женская половина человечества равнодушна к хулиганам и плохим мальчикам.

Незнакомец-Багз разглядывал нового ректора с веселым интересом, потом одобрительно кивнул, остановившись взглядом на ее груди и заставив покраснеть. Грубиян!

– Так ты боишься? – повторил он вопрос.

Да когда же они упадут-то уже?!

– Да! – рявкнула.

Надо же, порывы воздуха вокруг совсем не мешали разговаривать.

– Малыш Кай, – обратился этот индивид к непробиваемому обладателю наглых щупалец, – что ж ты девушку не успокоил, не приласкал перед тем, как прыгнуть? Теряешь хватку, а?

Но отвечать на подначки белобрысого не стали, только лениво поинтересовались:

– Что ты здесь забыл? Не помню, чтобы закончил с делами или получил выходной.

– Да ну! С делами и без меня есть кому справиться, здесь куда интереснее. Вот с новым ректором познакомился. Как хорошо, что нам снова досталась симпатичная девушка, не соскучимся. Эй, трусишка, пойдешь со мной вечером на свидание?

Марина отрицательно и очень интенсивно замотала головой – нет, нет и нет, никаких свиданий со всякими страшными и подозрительными Багзами Банни. Не говоря уж о том, что незнакомец, скорее всего, тоже участвует в деле о расследовании ректорских убийств. Не выдержав хитрого, оценивающего взгляда Марина повернула голову к своему заместителю и жалобно спросила:

– Мы долго падать еще будем?

– Еще минут пятнадцать-двадцать, – ответ буквально припечатал, развеяв последние остатки надежды.

Да что же это за Академия такая ненормальная, где лифты странные, лестницы сумасшедшие, а, чтобы спуститься, нужно прыгать с невероятной высоты? Марина ведь только-только в другой мир попала, но уже кажется, что ей досталась роль самой невезучей попаданки на свете!

Увы, разубедить ее никто не собирался, зато неназванный пока незнакомец нагло вернул внимание на себя. Он просто-напросто поймал ее за подбородок пальцами и повернул к себе.

– Как же тебя зовут, трусишка?

Марина бросила страдальческий взгляд на Кайдэса, но тот смотрел непроницаемым взглядом и никак не комментировал происходящее. Он тоже ее оценивал? Ее слова и действия? Вот ведь, засада! Хромова поняла, что с незнакомым типом придется разбираться самой и без чьей-либо помощи.

– Марина, – вздохнула она. С другой стороны, можно было найти и положительную сторону в этом театре абсурда: бояться она практически перестала и даже уже могла смотреть по сторонам.

– А я Джек Фрост, будем знакомы.

Имя резануло чем-то знакомым по памяти.

– Вы...

– «Ты», ведь мы будем на свидания ходить, – перебили ее.

– Не будем, – девушка насупилась.

– Почему?

– Я вас... тебя не знаю.

– Ты со всеми своими парнями сначала знакомилась, а потом на свидания ходила? – с любопытством поинтересовался Джек.

Парней у Марины не было, был парень, единственный, в институте. Высокомерный и нудноватый студент-отличник, с которым она неплохо общалась с первого курса несмотря на его недостатки. Остальные студенты его побаивались за вредный и пакостливый нрав, но Марине он ничего плохого не сделал, а она никогда не принадлежала к тем, кому было важно мнение толпы. На третьем курсе обучения он предложил ей переспать, так сказать по дружбе – у обоих не ладилась отношения с противоположным полом. У него были свои проблемы и причины, а она... Ну, сложно понравиться парням, когда ты тихая, скромная хорошистка с довольно приличным весом и круглым лицом, которое только добавляло полноты. Парни ведь в основном смотрели на стройных девушек, а не на колобков, пусть и симпатичных. Это со временем ей удалось справиться с весом и более-менее привести себя в порядок, не идеально, конечно, но неваляшкой ее больше уже язык не поворачивался назвать.

Кто-то бы сказал, что парочка несчастливчиков могла бы начать встречаться. Но они об этом даже не помышляли; за столько лет умудрились неплохо узнать друг друга и прекрасно осознавали, что любовь им не светит. Слишком уж разными они были. Поразмыслив и не питая надежд на чье-то внимание, Марина согласилась. Все же столько говорили об этом знакомые

приятельницы, а уж как расписывали в романах, и вовсе зачитаться можно было. Увы, реальность оказалась никакой не необыкновенной и не фееричной. Что-то там они поделали, как-то там поерзали, и все, на этом пятиминутный первый секс был закончен. Приятель потом ходил петухом – гордым и довольным, словно совершил великий подвиг, все спрашивал понравилось ей или нет, и что-то там шутил. Но, конечно, все это было гораздо позже, потому что после непонятого действия он с нее скатился и мирно захрапел в сторонке. А вот Марина никак не могла понять, что же все-таки с ней приключилось? Даже боль от потери девственности оказалась какой-то пресной, не то чтобы незаметной, но явно адская боль, которая описывалась все теми же ее приятельницами, была преувеличена. Терпимо. Понятно было, что ее решение было неверным, но зато не смертельным и не страшным, а тоже опытом в копилку знаний.

Но с тех пор Марина с парнями не встречалась. Жизнь в ту пору сделала жестокий кулбит и стало не до влюбленностей, а потом, когда даже черная полоса закончилась, она об отношениях с кем-то не задумывалась. Не видела в этом необходимости и просто не хотела.

– Прошу, больше не задавай мне вопросов личного характера. Я все равно отвечать не буду и на свидание здесь ни с кем ходить не собираюсь тем более. – Наверняка этот Джек Фрос серьезно никуда не звал ее, а пытался лишь подразнить или посмеяться. Ну так Хромова не клоун, за свой счет развлекаться никому не позволит.

– Эй, малыш Кай, нам досталась очень серьезная ректорша! – Джек, казалось, совсем не обиделся из-за отказа, наоборот взгляд очень подозрительно вспыхнул. Таким азартным блеском. – Исправлять будем!

Марина немного отвлеклась. Где же она слышала его имя? Джек Фрост... Фрост, Фрост, Фро...

И тут!

– Вспомнила! Мультфильм «Хранители снов»! Там был такой персонаж – шкодный мальчишка, повелевающий холодом и постоянно попадающий в неприятности!

Со стороны Кайдэса донесся подозрительный звук, похожий на смешок. Однако, когда она на него посмотрела, лицо его оставалось спокойным, будто высеченным из камня. А вот беловолосый совершенно не обрадовался, скривился и выругался, потом укоризненно посмотрел на девушку.

– Марина, раз ты будешь со мной встречаться, то должна знать. Никогда не упоминай при мне об «этом»!

Захотелось рассмеяться. Ей понравился тот интересный мультфильм, она даже посмотрела, кем был Джек Фрост в мифах, после просмотра. Он был богом холода, довольно опасным и жестоким созданием. Но она совершенно не ожидала встретиться с ним вживую, или этот Джек отличался от Джека из легенд? Любопытство подняло свою носатую макушку вверх и страх пропал окончательно. Зато стало смешно и губы невольно начали растягиваться в улыбку. Надо же! В такой ситуации, она еще веселиться может!

Однако решила напомнить:

– Мы не будем встречаться.

– Но, трусишка...

Дальше они продолжали падать, препираясь и споря. Было весело и даже интересно, что стало неожиданностью. За это время она узнала, что Джек действительно расследовал дело об убийствах ректоров вместе с Кайдэсом и еще третьим неизвестным пока навьем. Они были той верхушкой, которая с некоторых пор взяла на себя руководство Навьей Академией, и прибыли в нее незадолго до смерти последнего смертника-ректора. Пока Марина падала и отшучивалась на подколки Фроста, мысли в голове тщательно обрабатывали полученную информацию. Она вспомнила, что в смерти ее предшественницы не был виноват неизвестный злодей, а поставился кто-то из тройцы. Возникал вопрос: кто именно? Кайдэс, Джек или третий «начальник» постарались, и какой страшный проступок совершила Ирина Первонова, что заслужила такой

бесславный конец? А самое главное: что сделать Марине, чтобы максимально обезопасить себя, но при этом выполнить работу, оговоренную в договоре? Ведь если магия договора посчитает, что она уклоняется, то расправа также не замедлит себя ждать. То есть тихо сидеть и прятаться у нее не получится при всем желании.

Насколько сильно можно полагаться на троицу? Глупо безоглядно верить в спокойную уверенность одного и в жуткую приветливость второго, не говоря уж про темную лошадку – третьего. Никто из мужчин ей не друг, не приятель, и даже не коллега по работе. В их отношениях все просто. Она – наживка, они – правят бал, а каким образом они будут «править», предстояло еще выяснить в будущем. Разговоры о свиданиях – чушь, ясно, что Фрост любитель пошутить и развлечься за чужой счет. Но насколько далеко может зайти этот шутник? Кайдэс говорил, что целенаправленно ее смерти никто добиваться не будет. Но опять же... насколько велика разница в представлениях ее эксплуатации у них, этих сверхъестественных существах? Даже нынешняя ситуация с падением, показывала насколько между ними громадная разница. То, что для них обыденность, для нее смерть.

Из-за невеселых дум и подшучиваний остаток падения прошел практически незаметно. Марина даже начала в какой-то мере получать удовольствие от вертикального полета; не каждый день удается примерить на себя перья птицы, пусть и в таком оригинальном варианте. Когда мужчины легко приземлились, прыгнув с грацией хищников на мраморный паркет, практически не ощутила толчка от приземления. Сразу же щупальце осторожно вернуло ее на грешную землю и исчезло, будто оно никогда и не появлялось на талии нового ректора и не оберегало ее от ушибов-травм. Вот и еще один вопрос, который ее интересовал: кто такой Кайдэс? Она, как и многие девушки, любила фэнтезийные романы, но там чаще всего встречались вампиры, оборотни, драконы или эльфы. Ах да, еще демоны были. А вот с щупальцами никого припомнить не могла, как не перебирала в памяти всяких существ.

Почувствовав под ногами твердую поверхность, Хромова от облегчения чуть ли на месте не закружилась. Но удержалась от опрометчивых поступков, неизвестно, как на ее поведение отреагируют эти загадочные мужчины. Ни за что! Больше никогда она подобное не повторит и сопротивляться будет до последнего. Не настолько она была экстремальна, чтобы использовать полет через этажи в качестве постоянного спуска. Марина все сделает по старинке: ножками и лесенкой, лифтами вот тоже, наверно.

Подняв голову вверх, чтобы лишний раз порадоваться тому, что не птица, Марина ошарашено захлопала ресницами.

Потом резко повернулась к Кайдэсу:

– Там потолок!

Фианх проследил за ее пальцем, тыкающим в потолок (да-да, некрасиво, но ей было все равно в данный момент).

– Потолок, – подтвердил он, как маленькому ребенку. – Мы падали через пласты реальности и силовые щиты, которыми огорожены каждый из этажей.

– Но на этаже преподавателей...

– Всего лишь магией объединены два этажа, все остальное иллюзии, искривления пространства и нестабильность Академии.

– И через это мы падали? – уточнила Марина.

Мужчина промолчал, да ответа и не нужно было. Она же только глаза прикрыла, понимая, что этот сумасшедший мир, скорее всего, сведет ее с ума. Чтобы было, если бы она полетела вниз с менее... квалифицированными личностями? Наверняка получилось бы нечто вроде кровавого блинчика на полу или омлета для людоеда, если вообще что-то осталось бы. А если бы она не умерла, а превратилась в нечто ужасное и продолжала бы так существовать, все осознавая? Марина вздрогнула. Ей потребовалось несколько мгновений, чтобы взять себя в руки. Снова. Навь, ее ненормальные обитатели, странные здания, магия и кошмары – все это было

слишком непонятно и чуждо для обычного человека, выросшего с мыслью, что чудеса случаются только в сказках. Да она всего несколько часов назад узнала о том, что потустороннее реально и еще вполне прилично себя ведет, а не истерит и не бьется в конвульсиях. Можно даже гордиться собой за подобную выдержку.

Помрачневший взгляд заскользил по квадратному громадному холлу с золотистым паркетом под ногами, в котором они оказались. Вокруг были десятки позолоченных широких окон и стеклянных дверей, через которые в помещение проникал странный и тусклый ржавый свет. У каждой двери замерли статуи обнаженных мужчин и женщин; некоторые позолоченные фигуры имели совсем нечеловеческие черты и формы. Но выглядели они довольно красиво, пусть и чуждо. В зале не было акустики и эхо не играло звуками, как обычно случалось в таких больших помещениях. Сразу же представилось, что в дни, когда здесь бегало много народу, зал наверняка заполняли голоса, носящимися туда-сюда преподавателями и студентами, неизвестными проводниками... Кстати, о птичках. Фиолетовый ящер прыгать с ними не стал, но каким-то мистическим образом сейчас возник рядом с хозяином, шуря наглые довольные глазюки.

Так бы Марина и продолжала скользить взглядом по залу, а потом возвращаться к смухлевавшему ящеру, если бы ее взгляд не наткнулся на одну из открытых дверей и прислонившегося к ее косяку мужчину. Так расслабленно, немного вальяжно и почти скучающе, он плечом подпирал дверь и не сводил глаз с нее.

Это Джека она посчитала жутким? Вот рядом с новым типом, белобрысый Багз Банни выглядел милым душкой!

Марина шарахнулась в сторону, ноги «подумали» прежде мозга и рванули в неизвестном направлении. Но отбежать подальше не успела, врезалась в Фроста и тут же была прижата к крепкой груди.

– А говорят у явьев инстинкты и шестое чувство на примитивном уровне развиты, – издевательски хохотнул этот... нехороший навий. – Вот оно, во всей красе – наша ректор сразу поняла, кого из нас следует опасаться в первую очередь. – А потом шепнул уже на ухо неудавшейся беглянке: – Очень правильно мыслишь, трусишка, его бойся в первую очередь, меня во вторую, а вот Кай у нас самый безопасный. – Очешуеть! Самый безопасный парень – это тот, кто ее за горло хватал и напугал до коматозного состояния! – Но можешь расслабиться, пока тебя убивать никто не собирается.

Пока? Ну, уже хлеб.

Марина высвободилась из стальных объятий и отошла на несколько шагов от Джека, а то наглые конечности поползли туда, куда не положено. Она и сама не понимала, что вдруг случилось и почему настолько сильное впечатление произвел на нее новый персонаж. Марина никогда не испытывала такого удушающего, обжигающего ужаса, который накрыл ее несколько мгновений назад. Это чувство вынырнуло из глубины и взорвалось где-то в груди, заставив сердце оглушительно забиться о ребра. Так, скорее всего, в космосе взрывались сверхновые тела: быстро, бездумно, страшно. А взорвавшись, распадались бесследно, не оставив ничего после себя. Скорее всего это из-за свалившихся на нее неприятностей, иного объяснения у нее не было. Нервы на взводе, настроение нулевое, шок от реальности сверхъестественного... День на самом деле выдался крайне тяжелым, она перенервничала, а незнакомец появился слишком неожиданно. Вот и неадекватная реакция последовала мгновенно и не зависела от разумности-неразумности. Всего лишь.

Немного отойдя от первого впечатления, Марина вновь посмотрела на нового навья. Однако повторения урагана эмоций не последовало. Тем лучше, значит, нервы сыграли с ней злую шутку. Зато сейчас смогла рассмотреть его более внимательно, а разглядев, пришла к весьма неутешительному выводу. Интересно, а в Нави есть нормальные мужики? Ну там, те, которые средней паршивости, а не воплощения девичьих грез, буйных фантазий и кошмарных воплощений? С такими мужиками еще можно пивка попить, поболтать про жизнь, на диско-

теку и в кино сходить, наплодить кучку детишек, стать прилежной домохозяйкой, и периодически гонять благоверных скалками и сковородками от телевизора и соседок. Такие простые ребята, от взгляда на которых не перехватывает дыхание и их не хочется постоянно ушипнуть, дабы поверить в их реальность?

Конкретно этот представитель навьего мира имел облик впечатляющий. Он был чуть повыше и пошире в плечах, чем Кайдэс, не качок, но телосложение определенно радовало женский глаз. Светлая кожа, под которой перекачивались твердые мускулы, имела едва уловимый красноватый оттенок, темно-коричневые волосы были длинными и заплетенными в косу, а глаза казались чистым пламенем. В том смысле, что в них перемешались и желтые оттенки, и оранжевые, и красные. Когти на руках (Марина начинала привыкать к тому, что обитатели Нави не обременены стандартным человеческим маникюром) производили неизгладимое впечатление, такими только и вспарывать... что-нибудь. Интересно, а они убираются как-нибудь? Ведь даже ногтями можно случайно поцарапать, а здесь целые кинжалы в наличии. Приглядевшись, Марина заметила, что из-под рукавов черного плаща мужчины выглядывали самые настоящие кандалы, обхватывающие запястья. Это мода такая или он какой-то местный заключенный, отбывающий специфическое наказание?

Незнакомец приблизился к ним, пока Кайдэс представлял его.

– Марина, знакомьтесь, Найтмер из Первого Дома Неблагого Двора и последний из нас, кто ведет расследование смертей ректоров и ваших соотечественников. К любому из нас вы можете обращаться с вопросами или какими-то затруднениями, и именно с нами будете сотрудничать в дальнейшем.

Марина кивнула. Ну что ж, с ними так с ними.

Поставила себе галочку, что нужно будет найти что-то про навьев, местные расы и страны, узнать, что такое Неблагой и Благой Дворы, и многое другое. Хорошо бы поскорее попасть в здешнюю библиотеку, в Академии она наверняка есть.

– Все ждут нового ректора, – проговорил новый незнакомец, внимательно разглядывая девушку, будто готовился препарировать ее сознание и душу.

Марина вздрогнула, голос у него оказался таким же жутким, как и весь облик: хриловатым, жестким, обволакивающим. Таким голосом палачи перед казнями последнее слово у несчастных спрашивали.

Когда выходили из холла, на несколько мгновений Хромова почувствовала себя арестованной и сопровождаемой конвоем на казнь. Впрочем, отчасти это было действительно так. Найтмер шел впереди, Кайдэс за ним, держа рядом с собой нового ректора, замыкал шествие Джек. Оказалось, что вышли они в достаточно узкий коридор, стены которого опутывали незнакомые ей растения и цветы. Иногда она замечала странных созданий, выглядывающих сквозь листву – упитанные, зеленоватые мордочки, с жабыми губами и набором мелких зубов. Один раз заметила, как нечто очень похожее на сказочную фею вспорхнуло с пушистого сиреневого цветка и исчезло, растворившись в воздухе. Как сказала бы кэрроловская Алиса: все чудесатей и чудесатей, и Марина ее поддержала бы на все сто процентов. Чудный, чуждый мир, от которого сложно ждать чего-то хорошего.

– Здесь всегда такое освещение? – спросила Марина, не обращая ни к кому конкретному. Вроде бы и светло, но какое-то ржаво-туманное марево вокруг присутствовало.

Ответил Джек:

– По большому счету. У вас в Яви в сутках двадцать четыре часа, делящихся на день и ночь. В Нави такого нет. У нас в сутках тридцать девять часов, т.е. тринадцать часов Юдоли, тринадцать часов Требы и тринадцать часов Пагубы. По большому счету в Навьем Королевстве всегда одно и то же небо – ржавое, только в каждый промежуток времени темнее или светлее, нет звезд, солнца или луны, как в человеческом мире. Есть и другие королевства в Нави, но там свои особенности есть. У нас же практически никогда не бывает абсолютно темно или

абсолютно светло, за исключением периодов, когда приходят Затмения. Они случаются раз в месяц, и тогда всем рекомендуется сидеть дома и не высовывать носа на улицу.

– Почему? – заинтересовалась она.

– Небезопасно: можно умереть, сойти с ума, измениться, нарваться на любые другие неприятности, встретиться с кем-то, с кем лучше не встречаться. Во время Затмений легко пропасть без вести, заблудиться в темноте, быть испепеленным светом. Если интересны более детальные сведения, прочти «Хроники Нави». В библиотеке Академии должны быть.

– Насколько сильно отличается время в Яви и Нави? – спросила Марина. Она испугалась – сколько сказок, когда какой-нибудь несчастный пропал в волшебных странах, а возвращался домой спустя века, когда все уже умерли и похоронены.

– Можете не переживать, – скосил на нее фиолетовый глаз Кайдэс, – хоть время у нас бежит и по-разному, но для вас не страшно. Тринадцать часов у нас – в Яви всего три часа. Так что высчитайте для себя, когда будет ходить домой и наведывайтесь в Явь время от времени. Поэтому я и говорил, что жить вам придется здесь, так будет удобнее.

Марина с облегчением выдохнула.

Через миг поняла, что они пришли. Потому что цветочный коридор закончился, а впереди замаячила лестница: высокая, крутая, с множеством узких ступенек. По таким всегда тяжело подниматься, а спускаться и того тяжелее. Поднимались долго, лестница, казалось, и не думала заканчиваться. Вокруг было неестественно тихо, зато в отличие от человеческой реальности почти не холодно, будто вокруг царило бабье лето. Однако и лестница, и тишина не могли длиться вечно. В какой-то момент, когда нога ступила на обширную платформу, ее оглушило от окружающего гула и рокота толпы.

Нелюдей было много, невероятно много, просто нереально много. Почему-то вспомнилось, как в очередном красивом фильме прекрасная героиня выходит замуж за принца, а после они оказываются на балконе-сцене, целуясь и махая ручками. А внизу громадная, бесчисленная толпа, что-то вопящая и колышущаяся подобно цунами. Увы, Марина не была принцессой, и уж точно свадьбы с принцем ей не грозило, зато открывшиеся перспективы, масштабы работы и ощущение «маленькой песчинки в океане» почти оглушили. Посмотрев направо, Хромова поняла, что на площади Академии собрали не только студентов, а вообще всех. Преподавателей, охрану, работников по хозяйству. Эти, в отличие от учащихся, разместились на трибунах, преподавательский персонал естественно в первых рядах, остальные позади.

Когда прибывшая четверка «главных действующих лиц» предстала перед зрителями, на миг воцарилась тишина. Марина замечала на себе заинтересованные, цепкие, подозрительные, равнодушные, презрительные и многие другие взгляды. Они буквально пробивали насквозь ее и без того хрупкое спокойствие. Однако девушка смотрела прямо, оглядывая толпу, и храня переживания за семью замками в душе. Оказалось, что на этой платформе больше никого нет, кроме них, а в центре замер микрофон – наверняка для нее. Хромова не любила привлекать к себе внимание, однако никогда не страдала страхом сцены (иначе просто не выбрала бы себе работу учителя). Но даже ей стало не по себе от того, что придется выступить перед столь громадной аудиторией.

Кайдэс незаметно для всех подтолкнул Марину в спину, направив к злополучному устройству. Джек и молчаливый Найтмер встали по обе стороны от нее, но чуть позади, чтобы не мешать. Гул толпы, хоть и стал приглушенней, но возобновился.

Лорд Фианх заговорил первым:

– Приветствую вас, студенты, преподаватели и работники Всемирной Навьей Академии для Трудновоспитуемых и Неподдающихся! В этот день у нас несколько знаменательных событий, которые собрали нас всех здесь. Во-первых, начало учебного года, который будет трудным как для новичков, только поступивших сюда, так и для тех, кто продолжает учебу, и, кто заканчивает обучение, готовясь к выпуску. Во-вторых, в Навьей Академии появились новые

лица не только среди студентов, но и среди преподавательского и рабочего составов. Такой шаг был необходим, и мы надеемся, что работа станет более плодотворной, нежели раньше. И, в-третьих, самое главное, хочу представить вам нашего нового многоуважаемого ректора, Марину Даниловну Хромову. Прошу!

Раздался многоголосый гул, смешанный со смехом и свистом, раздались вялые хлопки. Краем глаза, девушка отметила, что из преподавателей большинство вообще никак не отреагировали на нее, занятые разговорами между собой. Люди такие люди, даже если они нелюди.

– Здравствуйте! – девушка очень порадовалась, что ее голос не дрожит. – Мне радостно оказаться среди вас в этот день, служить на благо Всемирной Навьей Академии...

Дальше она говорила минут пять, как полагается новому ректору, вступающему в свои права. Не особо вдумывалась, толкая пустые речи в толпу, которая ее все равно не слушала, и только делала вид, как и сама Марина.

Это было тяжелее, чем она думала: приветствие и видимость обещания. Короткая речь, вроде бы, вроде бы ничего особенного и не сказала, но все равно как-то нервно и противно. О какой радости речь, если все знают, кто она и почему здесь оказалась на самом деле?

В конце все еще раз вяло похлопали, и распрощались к удовольствию и облегчению всех сторон этого шутовского, лицемерного собрания.

Вот чему Марина порадовалась, так это тому, когда покидала сцену, где изображала из себя ректора, являясь на самом деле смертником. После того, как она и троица мужчин вернулись в лабиринт-сад, она попросила Кайдэса отвести ее в кабинет ректора. А еще напомнила, что он обещал рассказать о расследовании и вернуть документы, которые девушка при всем желании не успела бы дочитать за те несколько предшествующих собранию часов. Ее заместитель только кивнул, зато Джек и Найтмер направились вместе с ними к некоторому неудовольствию Хромовой. Одного Фианаха хватало за глаза, а тут еще приходилось отбиваться от шуток Джека и нервничать из-за компании молчаливого Найтмера, который из-за этого раздражал еще больше.

Зато на этот раз обошлось без экстремальных подъемов, грозивших ей разрывом сердца. Они поднимались на личном лифте преподавателей, и, хотя лифт действительно поднимался медленно и останавливался на каждом этаже, можно было немного передохнуть. Особенно, когда Марина увидела, что лифты неестественно широкие и оборудованы длинным диваном у стены. Там она села, прикрыв глаза и отдыхая в образовавшейся тишине и гудении механизма. Иногда на этажах при открытии дверей, они натыкались на предположительных пассажиров, однако те вежливо говорили, что подождут следующего лифта. Им явно не хотелось ехать в такой компании, а Марина мысленно благодарила провидение, что не нужно было терпеть изучающие, настырные взгляды посторонних.

– Проходите, госпожа ректор, – сказал Кайдэс, когда они оказались напротив грубоватой, тяжелой двери из сине-черного дерева. Открыв ее, он пропустил девушку вперед: – Добро пожаловать в ваш новый дом!

Марина сделала шаг вперед.

Кажется, только вперед ей теперь и можно было идти.

ГЛАВА 4

Внутри кабинета ректора оказалось невероятно пыльно, замусорено и разрушено. Словно из сказки с дворцами и богатством Марину толкнули в жуткую действительность на самую худшую из всех свалок мира. Вместо штор и гобеленов с картинами по стенам была развешана паутина. Многослойные бело-серые полотна поражали воображение, а по ним ползали, ничуть не стесняясь вошедших, жирные, размером с мужские ладони, пауки. Огромное, широкое окно практически во всю стену было заляпано так, как будто в него кидали комки грязи и... крови? Хотела бы Марина сказать, что видела сейчас красную краску, но наивностью она, увы, не страдала и предполагала самое худшее. Целыми оставались только стол и табурет в дальнем углу, все остальное оказалось сломано, разодрано и порвано. Создавалось ощущение, что здесь случилась настоящая бойня... Хотя, почему это «создавалось»? Была, однозначно была, потому что иначе все не пришло бы в такой катастрофичный упадок.

– Кхм... – прокашлялась Марина, входя внутрь и сдерживаясь от чиха. – Можно здесь окно открыть? Еще немного и задохнуться можно будет от пыли и вони. Это точно ректорский кабинет?

Окно благородно открыл Джек. Ему даже не нужно было подходить к нему, мужчина просто толчком ледяного ветра сдвинул задвижку и распахнул тяжелые створки. Этаким телекинез в действии. Заодно морозный воздух немного притушил плавающую вокруг серость и запахи.

Найтмер, молчавший до сих пор, добавил:

– Ректорский. Наживки с Яви не желали находиться там, где наибольшая вероятно умереть. Последним был ректор Михаэлюс, который здесь и погиб. С тех пор никто не заходил сюда, а кабинет оставался заброшенным. Если желаете, мы отведем вас туда, где сидели ваши предшественники.

Но Марина только отмахнулась:

– Останусь здесь, только убраться бы сначала. – Скакать с места на место не хотелось, особенно учитывая, что никакая защита другого кабинета не помогла ее собратьям по несчастью. – Что же все это время делали мои соотечественники? Ну, пока были живы, ведь не могли просто сидеть без дела, – заинтересовалась девушка, посмотрев на мужчин. Сразу пришло в голову, что она может продолжить их работу, если та имелась. И вообще любопытно было, чем они все занимались здесь.

Но спутники только странно переглянулись, а ответил усмехнувшийся Джек:

– Трусишка, из них всех, ты – наиболее активная. Еще не успела обжиться в Академии, а уже интересуешься, спрашиваешь, даже требуешь. Да и держишься весьма неплохо для смертницы-явьи. Предыдущие пятеро ректоров еще несколько суток после знакомства с Навью истерики закатывали. Первый из смертников погиб практически сразу, по глупости – попытался нарушить договор, за что и поплатился. Возможно, ты еще столкнешься с призраком этого мужика. Еще двое держались с попеременным успехом, но тряслись при каждом шорохе, в результате третья кандидатка вовсе решила сама прекратить свои проблемы и сбросилась с одиннадцатого этажа замка. Полагаю, что до сих пор летает между реальностями и повезет, если душа отлетела в иной мир. Второй парень был весьма неплох, но недостаточно, чтобы хотя бы выйти за пределы кабинета, где и проводил все свое время. Только две последние смертницы, продержались на удивление долго. Но никто из них и не думал заниматься делами Академии или как-то проявлять себя. Ты решила изменить этой традиции?

Марина пожала плечами:

– Избавиться от договора я все равно не могу, так хоть отвлекусь чем-нибудь.

Судя по тому, что ректорскими делами, как в прямом, так и в переносном смысле, давно никто не занимался, работы предстояло очень много. Тем лучше. Марине очень сильно хотелось забиться в какой-нибудь угол и хорошо так, от души, порыдать. Желание мучило ее уже несколько часов, но она усилием воли сдерживалась. На «поплакать» ей требовалось одиночество и хоть какое-то уединение, и уж совершенно точно компания троих мужчин была откровенно лишней в мокром деле. Ей с ними еще предстояло работать и выживать. Марина отличалась мягким и добрым характером, а тут если ее сочтут слабой, то все, пиши пропало. Она и без того дала повод Джеку называть ее трусишкой, поэтому не хотелось усугублять ситуацию, и нужно было продержаться еще немного. В конце концов, она должна многое узнать, услышать и сделать.

Подумывая, куда бы сесть, она обратилась к черноволосому мужчине, замершему неподалеку от нее (остальные двое уже нашли, куда разместить свои тушки, не запачкавшись):

– Кайдэс, я бы хотела наконец-то узнать, что именно происходило с моими... коллегами.

– Конечно, но прежде решим еще один вопрос.

Девушка приподняла вверх бровь, молча ожидая продолжения.

– Как уже упоминалось, Навья Академия хаотичное и нестабильное место, и вам необходим проводник. Эти сущности есть у большинства обитателей Академии, без них жизнь здесь затруднительна.

– Что такое проводники? – спросила Марина.

– Не что, а кто. – Кайдэс кивнул в сторону фиолетовой ящерицы, ползающей по кабинету и что-то вынюхивающей. – Иламар – мой проводник, один из видов. Саламандра.

– Я как-то саламандр по-другому представляла, – пробормотала она, вновь проникаясь внушительными габаритами, клыками и когтями доисторического ящера. Больше на миниатюрного дракона смахивал или на комодского варана.

Кайдэс позволил себе едва заметно улыбнуться.

– Проводники делятся по видам между всеми жителями Академии. У преподавательского состава – саламандры, у студентов – фениксы, у рабочего персонала – домовые, а у охраны – бесы. Этим сущностям дарует сама Навья Академия, когда новый обитатель появляется в ней и заключает с ней определенный договор. Проводник же помогает выполнять работу, способен прийти к хозяину по его зову, как и куда угодно, выполняет роль телохранителя и множество иных функций. Очень полезные звери.

– Но вы говорили, что телепортация в замке невозможна, тогда как они приходят на зов так быстро?

– Они передвигаются со скоростью звука, поэтому их движение сродни телепортации и долго ждать не приходится. К тому же, раз они порождения самой Академии, то им доступно то, что запрещено другим.

– У моих соотечественников тоже были проводники?

– Нет, они все отказались от процедуры призыва. Точнее, один решил попробовать, но в самый последний момент отказался. Эта процедура болезненна, хотя боль и длится всего одну минуту, а после исчезает, словно и не было.

– А это существо, – через несколько минут раздумий, поинтересовалась Марина, – будет подчиняться только мне или кому-то еще?

При этом вопросе она удостоилась от мужчин странных, очень непонятных взглядов, настолько пронзительных, что захотелось спрятаться, как в детстве – за мамину юбку. Или под одеяло. Вот уж, привлекать чье бы то ни было внимание, она точно не планировала. Да и что такого сказала-то?

– Проводник подчиняется исключительно хозяину и никому больше, – наконец ответил Кайдэс. – Даже сама Академия уже не может на него влиять, и когда хозяин покидает ее пре-

дела, имея в наличие проводника, последний уходит вместе с ним. Можно сказать, что Академия так благодарит бывшего обитателя за служение ей, в той или иной степени.

– Что нужно делать, чтобы призвать зверя? – Марина не сомневалась в своем ответе.

Если получится обзавестись ящеркой, как у Кайдэса, то можно будет немного расслабиться. Для начала, рядом с ней появится кто-то свой; тот, кто всегда будет на ее стороне. Будет защитником, другом, компаньоном. Много кем. А она не будет настолько одинокой и беспомощной, как сейчас.

Без лишних слов Кайдэс приблизился к просторному, внушительному камину и через мгновение в нем запылало пламя: оранжевое и теплое. Что он сделал для этого, Марина не увидела, широкая спина загородила весь обзор, но явно способ был какой-то магический. Потом он оказался рядом с девушкой, перехватив за руку, и не успела она оглянуться, как по ладони полоснул острый, как нож, коготь, распоров плоть. Заорала Хромова и от неожиданности, и от резкой, острой боли. Какой кошмар! В кино-то все кому не лень режут себе ладошки, а потом еще смело размахивают покалеченными конечностями, будто их никогда и не резали, будто ничего и не почувствовали. Так, комар укусил. А оказывается на самом деле – это адски больно! По пальцам потекла кровь, капая на пол, слезы все-таки брызнули из глаз, непроизвольно.

– Теперь, – невозмутимо проговорил Кайдэс, придержав девушку за локоть и явно не получая удовольствия от того, что делал, – поместите надрезанную руку в пламя. Как только это случится, вы попадете в вакуум безвременья. Вырваться оттуда вы сможете только в двух случаях. Если Академия заключит с вами договор на крови и свяжет вашу сущность с сущностью наиболее подходящего вам проводника. Либо если признаете собственную слабость и невозможность вытерпеть миг заключения договора. Независимо от вашего выбора, раны и ожоги исчезнут сразу, как только Академия отпустит вас. Удержать руку в пламени никто кроме вас не сможет, если мы будем вас удерживать, договор не будет заключен. Академия таким образом получает вашу кровь и проверяет силу воли: достойны ли вы ее помощи и поддержки.

Как говорил великий Шекспир: быть или не быть? Всклипнув, Марина отстранилась от мужчины и села напротив камина, тут же ощутив его обжигающий жар. В него ей нужно сунуть руку? Продержать непонятно сколько времени где-то в непонятном месте под названием «вакуум безвременья»? Черт! Она даже не спросила, сколько обычно длится «снаружи» эта экзекуция, пока жертвы отдуваются «там»?! Подняв подрагивающую конечность, Марина приблизилась к пламени и тут же отдернула. Ту сразу пронзило болью от жара пламени, которое усилило уже имеющиеся неприятнейшие ощущения. Она просто не представляла, как можно вытерпеть пытку и не дать себе слабину. В голову тут же полезли мысли о сожженных во времена Инквизиции «ведьмах». Она даже на секунду не в состоянии перебороть себя, а те несчастные женщины умирали в страшных муках часами. Несколько раз Хромова пробовала сунуть руку в пламя, но каждый раз отдергивала.

Было страшно. Очень страшно. И все же... если она сейчас откажется, то потом пожалеет. Совершенно точно пожалеет. Особенно когда ее придут убивать, и когда придется играть роль приманки, и когда... Несколько мгновений Марина сидела замерев, делая глубокие вдохи и морально готовясь к тому, что должно было случиться дальше. За спиной царил тишина, и это было хорошо: ей не нужны были ни советы, ни подбадривания (хотя вряд ли они были бы), ни насмешки, ни комментарии. А потом на выдохе сделала то, что необходимо: быстро, пока мысль не успела оформиться, а мозг сообразить. И закричала в тот же миг, ощутив обжигающую силу огненной стихии, надсадно, срывая голос и не пытаясь быть сильной. Боги, боги, как же это было больно! До отупения, до ужаса, до каждой клеточки в теле, которую сжигали языки пламени.

В нос ударил запах паленой плоти, в сознании исчезла любая мысль, кроме самой примитивной: нет ничего хуже этого мига. Все остальное перестало иметь значение и значимость. Марина уже не всхлипывала и не кричала, рыдала в голос. Как она только смогла удержать руку в голодных, жалящих языках стихии, не смогла бы ответить и спустя годы. Инстинкт заставлял убраться в сторону, или то, что от нее осталось, сознание уплывало, но что-то в самой глубине естества говорило: уберешь руку сейчас, и дальше путь будет только один. К падению, проигрышу, аналогу самоубийства, пусть и не сразу. Поэтому она держала руку в пламени и молилась, чтобы огненная мучительная вечность когда-нибудь закончилась. А потом, совершенно внезапно, боль исчезла. Как и сказал Фианак: «будто никогда не было», будто память сохранилась, но ощущения исчезли полностью.

Словно и не теряла сознания от болевого шока секунду назад, Марина резко распахнула глаза, чтобы в следующий миг увидеть, как оранжевое, обычное пламя меняет цвет на темно-синий и разгорается сильнее. Она уже не находилась в разрушенном ректорском кабинете, а оказалась в центре пожара, который больше не думал убивать. Потусторонний огонь окутал ее со всех сторон, ласкаясь подобно громадному урчащему коту, а после полыхнул во вспышке сверхновой и тут же стих. Успокоился? Наелся? Принял? Марина бы и сама заурчала, если бы была кошкой и умела это делать. В груди мерно полыхнуло напоследок – она точно знала – индиговое пламя, свернулось и... не уснуло, но расслабилось, даря покой, забирая кошмар и не позволяя задуматься о случившемся. Очередное воздействие на сознание? Да пусть! То, что она испытала за отведенное мини-ритуалом время, Хромова помнить не желала.

Зато от очередной яркой вспышки и силы толчка, похожего на ударную тепловую волну, девушка отлетела в сторону, проехавшись пятой точкой по грязному полу. Ее как будто выбросило откуда-то, вернув обратно и оставив ошарашенной и полной странного, необъяснимого восторга. Об одежде она не вспомнила в тот миг, не до того было. Хорошо, что копчиком о лежащие неподалеку доски не сильно ударились, проехала вскользь, и если заработала синяк, то пока он не принес никаких неудобств. Впрочем, это тоже осталось на периферии мысли практически незамеченным. Взгляд от камина она не отрывала ни на секунду и когда огонь, приобретший неестественный синий оттенок, стал спокойным и мерным, поползла обратно. Взгляд злых призрачно-голубых глаз с длинным вертикальным зрачком стал ей ответом на мысленные вопросы: «Где? Кто? Когда же?».

– Тебе там не тесно? – после некоторого молчания Марина по-птичьи склонила голову на бок, и поинтересовалась состоянием кого-то очень злющего внутри камина.

Если бы ее сейчас спросили, как она себя чувствует, то единственно-верной формулировкой было бы сказать: восторг. Дикий, опьяняющий восторг человека, пережившего столкновение с танком, но забывшего об этом по воле неведомых сил и сохранившего лишь эмоцию о маленькой победе. В ответ же на ее вопрос из глубины каменной «пещеры» не то фыркнули, не то рыкнули, а потом синее нечто полезло наружу. Лениво, вальяжно, по-королевски. Оттеснив хозяйку в сторону, чтобы не мешалась под лапами, оно плавными, кошачье-змеиными движениями, пропитанными некой сверхъестественной пластикой, являло себя народу. И ползло, и ползло, и ползло... Да что за махину ей презентовала Навья Академия, и как вообще эта махина поместилась в столь маленьком пространстве?!

В холке саламандра оказалась выше девушки на целую голову, у которой рост был метр шестьдесят пять сантиметров. Зато в длину, если глазомер Хромову не обманывал: не меньше четырех метров. Тело было длинным, гибким и напоминало японского змееподобного дракона с мощными трехпальными лапами, на кончиках которых загибались острейшие когти. Еще были витые антилопоподобные рога и тонкие длинные усы, которые почему-то никак не желали обвисать по всем законам физики, а парили в воздухе. Особое впечатление произвел внушительный хвост, сужающийся к концу и оканчивающийся серповидным острием, которым можно было бы резать камень при желании. Он добавлял еще несколько метров внушительной

зверюге и вился вокруг нее, как живой. Морда напоминала не то доисторического велоцираптора, не то комодского варана, не то еще кого из категории «мифические и жутко-опасные».

Клыки в пасти оказались большими и похожими по остроте на лезвия кинжалов. Не удивительно, ящерка производило впечатление ожившего оружия, функция которого общеизвестна. Не вызывало сомнения, что этот проводник был именно тем, в ком Марина несказанно нуждалась: защитник и телохранитель. Отдельно можно было восхититься и окрасом: в основе своей темно-синий, ящер переливался всеми оттенками индигового. При этом рога, лезвие на хвосте и лапы имели некий розовато-малиновый отблеск, таким обычно бывает рассвет в первые мгновения восхода солнца. Пока зверь выползал из камина, как дракон из своей пещеры, его окутывало все то же синее пламя. Или он сам был этим пламенем? Сложно было точно сказать. Но как только все четыре лапы оказались на полу, огонь схлынул волной, будто его шкуры никогда и не касался.

Вот тогда Марина и дала себе волю. Точнее она даже не сообразила, что делает, просто действовала на эмоциях и желаниях, которым совсем не хотелось сопротивляться. Она вскочила на ноги и первое, что сделала вцепилась в клыкастую пасть: раскрыла, посмотрела «зубки», потом погладила рога на макушке, прошлась по чешуе, которая оказалась совсем не чешуей, а самой настоящей шерстью – очень короткой и мягкой, как у кошки. Потом девушка залезла на спину животине, ухватила за хвост: разглядывая, ощупывая, закончила наглые происки осмотром наконечника. Очень красивого, витого, словно украшенного причудливой резьбой или узором. Впечатления накатывали на нее с поразительной силой, и Марина никак не могла остановиться в своем восхищении и радости, играя с опасным зверем, как с игрушкой. Так тискали обычно щенят, котят и прочих ми-ми-мишных созданий, но никак не злоющих на вид хищников, способных покрошить человека в фарш за пару мгновений.

Впрочем, эйфория исчезла так же быстро, как и появилась. Отпустило. А там пришло и осознание, что она творила.

– Дела-а-а, – протянула Марина, осторожно сползая с мягенького и зубастенького ящера-переростка.

Вот здорово, что она совсем не испытывает страха и нервозности из-за случившегося, но, если подумать... последний раз, когда подобное чувство ее накрыло, она стала жертвенным агнцем в темных играх навых жителей.

Рука, которая была ранее порезана, невольно задергалась в мелком трепыхании, и Марина сначала сжала ее в кулак, чтобы остановить спазм, а потом приблизила к лицу. Всмотревшись, с удивлением осознала: даже самых мелких повреждений не осталось, не то, что порезов и ожогов. Мало того, не осталось не только видимых доказательств ее вынужденного истязания, но и мысленных. Или эмоциональных? Или психологических? Как назвать то, когда помнишь о самом событии, но не помнишь какие именно ощущения сопровождалось при этом?

Рядом фыркнула саламандра, отвлекая от озадаченных размышлений и попробовала положить голову ей на плечо. Марина мгновенно зашаталась под тяжестью, колени подогнулись и пришлось вцепиться в мощную шею, чтобы не упасть. Нет, ну до чего же большой зверь и как ей повезло, что в Академии воистину большие комнаты и залы, иначе питомцу пришлось бы строить вольер на улице и... вообще. В качестве компенсации погладила по мягкой шкуре и перевела взгляд на мужчин, о которых вспомнила только сейчас. Джек вполне удобно чувствовал себя, сидя на ректорском столе, Найтмер замер у окна, напомнив живое изваяние, а вот Кайдэс, кажется, и не отходил далеко от нее.

– Как себя чувствуете? – спросил он.

– Хорошо, – после некоторого раздумья, ответила Марина.

Действительно было хорошо, даже не верилось, учитывая обстоятельства.

– Трусиска, ты меня в самое сердце поразила! – откликнулся со своего места Джек. – Молодец! Я уж думал, не выдержишь.

Марина невольно зарделась от похвалы, было приятно услышать подобное. Сказал-то искренне, без издевки или насмешки – такие интонации сразу чувствуются в собеседнике. И как не гордиться-то? В данном случае она полностью имела право на чужое восхищение, и замершая рядом с ней саламандра только подтверждала правоту слов Фроста. Примечательным казалось осознание, что даже сомнений не возникло: огненное создание, вылезшее из камина и подаренное Навьей Академией – ее, полностью. Ни беспокойства, ни паники, ни страха не цепляло сознание. Только уверенность.

– Кажется, получилось, – довольно улыбнулась она.

– Кажется? – хохотнул Джек. – Ну-ну! Всем бы так казалось. С полной уверенностью считай, что совершила подвиг: небольшой и только для своего удобства, но определенно подвиг.

– Много тех, кто не могут заключить договор с Навьей Академией?

Марина подумала, что не вынуди ее к этому обстоятельства, то наверняка бы струсила. Кем-кем, а мазохисткой она не была.

– Достаточно. Кто-то дает слабину непосредственно во время исполнения, кто-то вовсе не в силах вытерпеть боль. Поэтому в Академии до сих пор нередко, когда пропадают без вести студенты, или преподаватели, или кто-то из рабочего персонала. Иногда удается найти некоторых счастливых, но многие до сих пор значатся в списках пропавших. Можешь потом посмотреть Камень Памяти, он расположен во дворе Академии и посвящен тем, кто здесь умер или исчез. Зато тебе подобные неприятности (большая их часть) не грозят. Даже если потеряешься на самых высоких этажах Академии или в ее подземельях, можешь позвать свою зверюгу – она выведет тебя наружу.

Марина снова ласково погладила по голове эту самую «зверюгу». За разговором она не заметила, как села на длинное тело, а башка саламандры оказалась на ее коленях (и ведь извернуться смог, йога отдыхает). Неизвестно почему, но стало спокойнее, какое-то облегчение накатило от последних слов бога холода. Ее личный зубастик точно не даст ее никому в обиду, и если не главному злодею, убивающему ректоров, то хотя бы всякие господа Селивановы поостерегутся злорадствовать над ней. Марина некоторое время продолжала неосознанно скользить ладонью по шкуре саламандры, чтобы потом встрепенуться и посмотреть на Кайдэса. Кажется, тот понял, что пора уже и объяснить, что случилось с ректорами, и почему никто не занимался расследованием убийств навьев, который имели высокий и значимый статус в потустороннем мире.

Проректор сел на разваливающийся диван, на той его части, которая вдруг покрылась тонким слоем голубой воды. Однако, когда мужчина расположился на этой поверхности, ничего не намочило, не захлюпало, не испачкалось, и вовсе производило впечатление, что сидеть вот так удобно.

– Навь – потусторонний мир, большинство территорий которого подчинено Навьему Королевству. Та часть земель, что не вошла в Королевство, поделена между Атлантидой, Благим и Неблагим Дворами, Лысой Горой, Авалоном и Пандемонийской Империей. Однако земля, на которой расположена непосредственно Навья Академия, никому не принадлежит – это нейтральная территория, которая сама себя защищает и контролирует. Ее нельзя завоевать, подчинить, подарить, купить, и даже управлять ей практически невозможно. В ней не могут находиться посторонние, потому что с каждым новым студентом, преподавателем или иным работником Академия заключает договор на крови. Кровь – это подпись и символ того, кто вы в Академии, гарант вашей относительной безопасности и защита от остальных территорий. К примеру, если сюда поступает разыскиваемый преступник, то он становится неприкосновенным. Даже если ему вздумается съездить во внешний мир погулять, погостить или совершить новое преступление, он все равно останется неприкосновенным.

– Впечатляет, – пробормотала Марина, обдумывая сказанные слова. Какой... лакомый и опасный кусок «бесхозной» земли. Интересно, как сильно он мозолит глаза могущественным мира сего?

– Со временем государства создали две организации, которые относительно, но могли влиять на Академию: Попечительский и Наблюдательный Советы. Попечительский Совет исполняет функции контроля за обитателями Академии, нанимает преподавателей, собирает досье на студентов, является одним из финансистов и решает еще ряд вопросов, касающихся Академии. Наблюдательный Совет в основном именно наблюдает и вмешивается только в самых критических и нестандартных случаях, исполняя роль своеобразной полиции. Однако оба Совета лишь поверхностно влияют на Навью Академию и кровавых контрактов с ней никогда не заключали. Поначалу пробовали, считая, что так смогут наконец-то связать себя с этим местом, но такие эксперименты плохо закончились и их прекратили. Если же выбранные Советами преподаватели и работники начинали излишне проявлять активность в стенах Академии или стараться устанавливать правила отличные от тех, что приказали, от них избавлялась сама Навья Академия.

– Что будет, если посторонний зайдет на территорию? Что происходит в таких случаях?

– По-разному бывало и бывает: можно вообще не зайти, потому что граница не пустит, можно зайти, но стать кем-то иным. Был случай, когда одного смельчака, поспорившего с собутыльниками, здешние силы превратили в зомби. Он до сих пор, между прочим, трудится на благо Академии, став ее вечным рабом. Иные умирали, другие с ума сходили, третьи пропадали без вести. В любом случае посторонние могут появляться здесь только в определенные часы, да и то только на специально отведенной земле.

– Получается, что Академия... разумна? – ошеломленно выдохнула девушка.

– Академия или земля, на которой она стоит, – Кайдэс пожал широкими плечами, – никто доподлинно не знает. Во внешнем мире Нави до сих пор идут споры на данную тему. Насколько она разумна? Откуда взялся этот разум или это заключенная в камне сущность? Вопросов много, начиная с того, откуда вообще взялась Навья Академия и кто ее создатель?

Все интереснее и интереснее. Сейчас, услышав кое-что о будущем месте жительства, Марина еще раз порадовалась в приобретении саламандры.

– Что же случилось с ректорами?

– Первой жертвой стал ректор Данал Химериус. Его смерть списали на несчастный случай, такую информацию предоставили в Попечительский Совет. Несмотря на то, что он был членом аристократического двора Пандемонийской Империи и весьма влиятельным представителем Нави, дальше дело не сдвинулось, прошли похороны и все стихло. При этом никто из родственников не потребовал более подробных объяснений, более глубокого расследования или элементарных ответов на вопросы о его смерти. Никто даже не поинтересовался, как именно он умер.

– Но это странно!

– Странно, кто ж спорит? Ведь, кроме того, что «имел место несчастный случай» – ничего не известно. Ни способ, ни время, ни место умерщвления – ничего. Когда нами выяснилось данное обстоятельство, его усыпальницу вскрыли, но тела на месте уже не было, а родственники пожалы плечами. На всех них воздействовали очень мощной телепатической магией и спрашивать что-то бесполезно. Следующим назначение на должность получил Живодан Михаэлюс. Он довольно резво занял ректорский пост – принадлежал уже к авалонской аристократии и видел хороший шанс для острова приобрести более значимое влияние. Он отлично исполнял свои обязанности, но внезапно спустя полгода скончался в этом кабинете весьма неприятным способом: был живьем разорван на множество кусков. Третьим ректором стала Мишель Виаше, представитель очень могущественной линии ведьм с Лысой Горы. Эта дама уже четко знала, что в Академии неспокойно, и была готова если не ко всему, то ко многому. Однако

смогла она продержаться только четыре месяца, и при загадочных обстоятельствах покончила с собой, умудрившись устроить прорыв нежити на одном из ученических этажей и оставить ему на память посмертное проклятие. С тех пор тот этаж запечатан и вряд ли будет открыт для доступа вообще когда-нибудь – смерть ведьмы неприятная и опасная вещь.

– После этого и вмешался Наблюдательный Совет? – спросила Марина.

– Нет, – ответил Кайдэс, – у Попечительского Совета был приоритет в решениях, а смерти происходили и раньше в Академии. Члены Совета решили провести самостоятельное расследование, строго засекреченное даже от правителей внешнего мира Нави.

– Разве такое возможно?

– На короткий промежуток времени – да, возможно, особенно если расследование происходило в Навьей Академии. Тогда еще смерти Химериуса и Михаэлюса никак не связывали. За это время была получена лицензия на использование живцов, подобранных в Яви, и в Навь был приведен первый кандидат из списка – Жирков Игорь Ефимович. Он погиб практически сразу и не от руки неизвестного убийцы, а по собственной глупости: покинул Навь и решил не возвращаться назад. Тем не менее, полностью опираться на эти сведения мы тоже не можем – его вполне могли принудить силой задержаться в Яви. Жиркова наказала за нарушение договора Академия и теперь он бродит здесь в качестве безумного призрака, от которого ничего полезного нельзя добиться. Но, несмотря на то, что его смерть якобы никак не была связана с расследованием, наконец-то решил вмешаться Наблюдательный Совет. И пока между двумя Советами велись споры, пока не вмешались главы королевств, вторая и третья наживка отправились на тот свет. Анатолий Иванович Лебедев был неплохим явьем, и даже старался держаться неплохо при постоянных попытках убийств. Был обнаружен мертвым в душе и полностью лишенным вообще какой-либо внутренней наполненности, только кожа. Смог продержаться два месяца. Инга Дмитриевна Корнева сама покончила счеты с жизнью, это она спрыгнула с одиннадцатого этажа, но доподлинно неизвестно: спровоцировал ли ее кто-то или же она сама. Она провела в Академии два с половиной месяца. Четвертая кандидатка в смертницы продержалась почти четыре. К тому времени Наблюдательный Совет уже пытался взять ситуацию под контроль, но нас троих к делу еще не привлекли.

– Только начали договариваться, – пояснил Фрост, вклинившись в паузу.

Кайдэс кивнул:

– Наталья Егоровна Сазонова умерла очень неприятной смертью, ее обнаружили живьем вмурованной в стену. Как и в предыдущих случаях никакой полезной информации оставлено бывшими следователями не было. Когда мы оказались в Академии, последний смертник, Ирина Федоровна Первонова, практически провела здесь полные полгода, единственная из всех, кто вела себя более активно, чем остальные.

– Что с ней случилось? – Марина решила выяснить этот вопрос для себя, чтобы потом не гадать. – Она ведь умерла не от рук таинственного убийцы.

– Ее убил я, – сузив желтые глаза, Джек будто вспомнил нечто очень приятное. – Девушка оказалась сли-иш-ш-шжом активной особой, полезшей туда, куда не следовало, и решившая поиграть во взрослые игры. Пришлось вмешаться.

Марину невольно передернуло от вкрадчивых интонаций в голосе, и от выражения глаз мужчины, ставших похожими на ледяную пропасть.

– Понятно, – хотя понятно ничего не было, но дальше расспрашивать она почему-то не рискнула. – Но это не объясняет, почему расследование находится на таком примитивном уровне! Ведь когда стало ясно, что смерти ректоров организованы, и это некий убийца, должна же была проявиться какая-то активность. Или не должна?

– Должна. Вот только из-за того, что Навья Академия доступна лишь тем, кто заключил с ней кровный договор, и пока произошла смена персонала, пока мы, трое, оказались на нынешних должностях, все, что имелось по этому делу, оказалось уничтожено. Включая и навьев,

связанных с ним, так или иначе: студенты, преподаватели и охранники, ведшие это расследование, все мертвы.

Голубовато-зеленые глаза Марины стали похожи на большие блюдца – так поразило ее услышанное:

– То есть помимо ректоров были еще жертвы? Сколько же всего погибло?

– Не считая ректоров, двадцать четыре обитателя Навьей Академии и пятнадцать навьев во внешнем мире Нави. Их смерти так же оказались не расследованы, а дела уничтожены. На сегодняшний день у нас нет ни улики, ни доказательств, ни зацепок, ни свидетелей. Ничего, кроме тех пяти листков, что вы увидели.

На некоторое время в кабинете ректора повисла тишина. Напряженную обстановку решил разрядить Джек. Только весьма специфично.

– Но если ты, трусишка, умрешь, – отметил он, – то у нас появится первая информация по этому делу. Поэтому, если что – не обессудь.

Марина приглушенно фыркнула, уткнувшись лицом в шею саламандры; вот тебе и поклонник, зовущий на свидания. Наверное, сам бы и организовал ей встречу с загадочным убийцей, сложись иначе обстоятельства. Потом, конечно же, отомстил бы, поймав злодея, но она-то была бы уже мертва.

Хотя... ведь все еще впереди. Не так ли?

Когда разговор закончился или правильнее было бы сказать: был объявлен перерыв, Кайдэс посмотрел на часы.

– Марина, сейчас вы вернетесь домой, в Явь, и соберете сумки, чемоданы, все, что вам необходимо для жизни здесь. С вами пойдет Найтмер, проводит и потом поможет вернуться в Навь.

Здорово, что у нее все-таки появилась возможность побывать дома напоследок, но, честно говоря, Марина бы предпочла обойтись вообще без компаньона. Или хотя бы взять с собой нового питомца, который так уютно обвивался вокруг нее, ограждая от всего мира. От страшной, непонятной троицы тем более хотелось держаться по возможности подальше и не мозолить им глаза своим присутствием. Печально, но желания Марины оставались всего лишь желаниями. Отринув эмоции, она понимала, зачем они собирались отправить с ней сопровождающего. Найтмер мог провести ее из одного мира в другой, тогда как сама она не представляла механизма данного действия. И еще она полагала, что они опасались ее истерики в самый неподходящий момент. Сорвется, заупрямится, потеряет контроль и решит остаться в мнимой безопасности, которая неминуемо закончится смертью. Хромова признавалась себе честно: подобное могло случиться. Разум – это одно, но, когда начинали шалить нервы, даже самые разумные на свете существа давали слабину.

При этом Марина собиралась сделать все возможное, чтобы не сорваться. Это означало бы, что она смирилась, сдалась еще до начала боя, а подобное смирение было не по ней. Не тот она человек, чтобы вот так легко смириться с судьбой. Даже если происходящее напоминало кошмар: долгий, муторный, накатывающий волнами, и с каждой волной, становящийся еще страшнее. Пока решался вопрос о том, кто с ней пойдет в Явь, выяснилось о занятости Кайдэса и Джека. Оба спешили по своим срочным делам, и, пожалуй, Марина была этому только рада, достаточно было одного надсмотрщика. Фианых на сегодня превысил лимит терпения, и его общество ее начало тяготить. Джек же, как тот знаменитый Сусанин, завел бы ее в неприятности и наблюдал бы, как Марина выпутывается. Найтмер пока представлялся «темной лошадкой», несмотря на ощущения от первой встречи. В общем, приходилось довольствоваться тем, что дают и не выпендриваться.

Поначалу Марина думала, что есть какой-то портал из Нави в Явь, однако ее быстро разубедили в данном заблуждении. Саламандра очень быстро сбежал – проводники на самом деле были способны передвигаться по Академии со скоростью света – за ее верхней одеждой. И когда она оделась, Найтмер оказался рядом с девушкой, обхватив жесткими пальцами за локоть и... одна реальность, смазавшись, заменилась другой. Марине только и оставалась, что хлопнуть глазами и оглядываться по сторонам, ибо они оказались не где-нибудь, а в какой-то тесной комнатке со швабрами, ведрами и прочим необходимым для уборщиц инвентарем. Пока она удивлялась, мужчина распахнул дверь, и увлек ее прочь из полумрака помещения. Идя к выходу из здания холдинга, она старалась приноровиться к быстрому, широкому шагу спутника. Локоть Марины не отпустили, а потому и сбавить шаг она не могла. Зато успела разглядеть, что нечеловеческий облик Найтмера также подкорректировался под окружающую реальность, правда не стал от этого менее привлекательным. Достаточно было только перехватить взгляды встречающихся на их пути женщин, в глазах которых вспыхивали восторг и зависть.

Найтмер предпочитал не замечать созданного собой ажиотажа, никак не реагировал на знаки внимания, и решительно двигался сквозь толпу. Та расступалась перед ним, замороженная и подчиняющаяся более сильной личности, которую чуяла на примитивном, животном уровне, доставшемся от предков. Выйдя из высотки, Марина оказалась ослеплена ярким дневным светом и одновременно с этим съежилась от особо сильного порыва ветра. Погода не собиралась щадить возвращенку, и мгновенно избавила ее от тепла, выгоняя тот из тела. Хромова тут же съежилась, пытаясь согреться и уже не возражая против захвата Найтмера. Его большое тело прикрывало ее с боку, и неожиданно грело, создавая видимость тепла. В такую погоду даже собаки носа на улицу не желали высовывать, что уж было говорить о людях.

– Потерпи немного, сейчас сядем в машину, – сказал Найтмер, ощутив ее задрожавшее тело.

Он направился к стоянке, практически поддерживая девушку на весу.

– У вас здесь есть машина? – поразила Марина, когда они приблизились к бордовой красотке на четырех колесах. Даже она, ни капли не разбирающаяся в машинах, оценила то, что предстало перед глазами.

– Многие навьи живут на два мира, – ответил Найтмер, помогая сесть на переднее сиденье.

– Неужели два мира так тесно пересекаются? – задала она следующий вопрос, когда он занял водительское место.

– Более чем. Когда-то миры были единым целым, но позднее разделились. Явь стала отрезана от Нави, но не наоборот. У навьев безлимитный кредит пользования вашей реальностью. У многих из нас здесь есть свой бизнес, друзья, даже, семьи.

– Можно из одного мира, скажем, звонить в другой?

– Любые средства связи, – мужчина завел машину, выводя ее на проезжую часть. – В Нави обзаведешься SIM-картой или подключишь интернет, и общайся, с кем тебе хочется из Яви и любого другого уголка мира. Ограничений нет.

Хорошо, если так. Значит, она не будет абсолютно отрезана от своего дома.

Подтверждая слова о том, что навьи практически свои в мире людей, Найтмер сразу понял, куда нужно везти девушку, назвавшей домашний адрес. Пока ехали, Марина обдумывала план действий: сначала решила собрать вещи, а потом пообщаться с родными. Самое сложное было объясниться с дедом, потому что как бы она не назвала свой отъезд, а он все равно слишком подозрителен. Бывший военный мог читать людей, как раскрытые книги, и разобраться в недоговаривающей и нервничающей внучке, которую знал, как облупленную, мог легко. Сестра, наверняка, ее тоже не одобрит. Полина была из тех, кто не терпела никакие перемены, и, мало того, стремилась ограничить эти самые перемены не только в своей жизни,

но и в жизни близких ей людей. Ее кредом было слово «стабильность», и наверняка с ее стороны последует мгновенная реакция, возможно, со скандалом.

Поэтому Марина решила, что сообщит об отъезде матери и Вадиму, а с остальными переговорами по телефону, когда окажется в Нави. Она прекрасно понимала, что это неправильно, но ее нервы и выдержка были уже на пределе. И если бы ей начали читать нотации, учить или выспрашивать о новой работе, срыв произошел бы незамедлительно. Когда же она приняла решение, то немного полегчало, а за размышлениями впереди замаячили знакомые многоэтажки и родной двор. Вышли из машины вместе, припарковавшейся на небольшой стоянке у подъезда, где как раз оставалось одно незанятое место. Найтмер следовал за Мариной молчаливой тенью, а девушке уже было все равно – очень сильно хотелось домой. Подъезд встретил привычным полумраком, но стоило хлопнуть дверью, как загорелась лампочка на первом этаже. По привычке пошла по лестнице до третьего этажа, отметив, что сегодня здесь проходила уборка; мокрые разводы на бетоне все еще подсыхали и пахло хлоркой.

Зайдя в квартиру, Марина с удовольствием вдохнула родной запах, и тут же почувствовала, как защемило сердце от боли. Неуверенно посмотрев на разубаивающегося Найтмера, предложила ему кофе или чаю, но ей сказали, чтобы не беспокоилась и занималась своими делами. Она и перестала беспокоиться, оказавшись в своей спальне и заперев дверь. Вытащив два чемодана из шкафа: один поменьше, а второй побольше, поразмыслив добавила еще спортивную сумку, рюкзак и обычную сумку средних размеров. А начав складывать вещи, не сразу поняла, почему перед глазами все начало расплываться. Первый громкий всхлип вырвался помимо воли, и Марина тут же вцепилась зубами себе в руку, чтобы не издавать громких звуков. Все, ее выдержке пришел конец, и она медленно опустилась на пол, уткнувшись лицом в ткань покрывала, дала волю слезам.

Когда же тихая истерика закончилась, Марина осторожно проскользнула в ванную. Не хотелось встречаться с провожатым, и, к ее радости, Найтмер не собирался мешать уединению. На кухне уже кипел чайник, сообщая, что мужчина занят. Увидев в зеркале свое отражение, Марина не порадовалась. Разводы косметики, опухшее лицо, кривящийся в намеке на новую слезную атаку рот – все это придавала ее облику вид жалкий и несчастный. Умывалась долго и ледяной водой, приводя себя в чувство, не желая больше тратить зря время. Слишком важно было собрать все необходимое и сделать еще несколько важных дел. Накрасившись, Марина все-таки смогла взять себя в руки, и отправилась собираться дальше. Вещей набралось прилично, чего она не ожидала, но ограничивать себя она не планировала. Все сумки оказались заполнены до краев и едва ли не трещали по швам, даже пришлось искать еще одну дополнительную сумку. Ведь Марина уходила в Навь на полгода, а не на пару недель. О том, что могла не вернуться, запретила себе думать.

Весь собранный багаж выносил и укомплектовывал в багажник Найтмер. Пока он занимался трудным для женских рук делом, Марина смогла побыть дома в одиночестве. Присела на диван, для удачи и для возвращения. Было тяжело. Но еще более тяжелым оказалось поехать к деду и матери. Повезло, в это время деда обычно не было дома, поэтому с мамой удалось поговорить достаточно легко, рассказав сказку о работе на полгода в другом городе. Лишний раз порадовалась, что так и не успела завести ни кошку, ни собаку, хотя и планировала сделать это в ближайшее время. Оставив дубликат ключей от квартиры, попросила проводить ту изредка – не маме, деду. Вадиму же пришлось звонить и сообщать новость по телефону. Оба разговора вымотали ее сильнее, чем Марина думала, но, по крайней мере, она успела повидаться хоть с кем-то, перед тем как покинуть Явь.

Возможно, навсегда.

ГЛАВА 5

Вернулись в Навью Академию Найтмер с Мариной тем же путем, что и пришли туда: потолкались в кладовке, потом оказались сразу в ректорском кабинете. Удобно. Марине тогда казалось, что народ непременно начнет интересоваться, куда они тащат ее тяжелые сумки. Но никаких вопросов не последовало, словно никто ничего не видел. Ведь на самом деле не видел... Хорошо, меньше проблем. Как только они оказались в замке, Найтмер распрошлся с девушкой, оставив ее в одиночестве... вместе со всеми сумками и баулами. Гад! Ну и как в одиночестве: Марину тут же облизала с ног до головы успевшая соскучиться саламандра. Длинный, змеиный язык прошелся по лицу и окончательно испортил прическу на голове, превратив в воронье гнездо. При этом зверюшка так радовалась возвращению хозяйки, что едва не свалила на пол в порыве чувств. Снова пришлось хвататься за шею и изображать обезьяну на дереве. Но такая мелочь совсем не расстроила девушку, после тяжелого прощания с семьей, это была лучшая терапия для измученных нервов.

– Я тоже рада тебя видеть, – проговорила Марина, почесывая зверюгу под подбородком и с удивлением слушая странные звуки: не мурлыканье, но что-то очень напоминающее этот кошачий звук. Глухое урчание дарило умиротворение и убаюкивало не хуже колыбельной.

Пока животина счастливо балдела от почесываний, а сама Хромова медленно обретала почву под ногами, то заметила кое-какие изменения в кабинете. Каким-то невероятным образом камин из обычного трансформировался в мини-пещеру. В нем сейчас могли поместиться сразу две саламандры, размером с ее питомицу. Как удобно! Даже на ремонт тратиться не нужно!

– Кстати, – вдруг осенило ее, – ты... девочка?

Хм, проверить, как это делалось у щенят или котят как-то не хотелось. С другой стороны, Марина понятия не имела, как наличие того, что нужно, проверяется у ящериц. У них делается все как обычно или нет? А если ящерица – это саламандра, иными словами волшебное существо, тогда как? Она вообще-то никогда не интересовалась половыми особенностями ящеро-видного племени, да и вообще рептилий.

Немного нахмурившись, Марина скользила взглядом по клыкастой морде, будто там был написан ответ на заданный вопрос. И ведь действительно, оказался «написан». Таковую обиженную харю нужно было еще найти! Потом на нее дыхнули прозрачно-синеватым облачком дыма и яростно замотали башкой.

– Эм, не девочка?

Еще и хвостом активно забили от возмущения. От дивана не осталось даже того жалкого половинчатого нечто – теперь все превратилось в деревянно-тряпичные ленточки и полосочки. Вот тебе и домашняя зверюшка... Оружие массового уничтожения, вот это кто!

– Ага, мальчик значит.

Вот теперь довольно закивали и снова «замурлыкали».

Уф, а Марина-то уже начала бояться, что обзавелась «оно», как было сейчас модно в Америке.

– Тогда буду звать тебя Топтыжкой, – решила она, и, потягиваясь, прошлась по кабинету, пустому и мрачному, – ты мне плюшевого мишку напоминаешь. Очень ласковый и уютный, так и хочется тискать и обнимать.

За спиной что-то грохнулось. Обернувшись, она с удивлением увидела саламандру в состоянии шока: задница на полу (видать именно она так громко опустила вниз, что все содрогнулось), зубастая пасть открыта на все девяносто (челюсть, скорее всего, тоже пыталась

упасть на пол, но для этого ее требовалось оторвать), а в глазах застыли ступор и ужас, что словами не описать.

– Ладно тебе, – улыбнулась Марина, – хорошее ведь имя, домашнее. Я, конечно, могла бы назвать тебя как-нибудь по брутальному, но такие клички слишком холодные. Согласен? Ладно тебе, лучше покажи мне, где взять воды, какие-нибудь моющие средства, тряпку и швабру. Нужно же мне начать приводить в порядок свое рабочее место, пока о нас все забыли.

Ну да, закономерно, что троица мужчин не подумала хотя бы помочь с чемоданами, можно было бы отправить их с кем-то в будущую квартиру нового ректора. Обижаться на такое отношение было глупо, в Яви точно так же относились к посторонним. Проводили, организовали, а там взрослый человек и сам справится. Вполне возможно, что о ней все-таки вспомнят. Попозже. Вот тогда и покажут квартиру или что там у них полагалось для ректоров.

Позади раздалось недовольное шипение, но где взять нужный инвентарь, Марине все же согласились показать. Только пока вели, куда надо, изображали из себя очень надутого и обиженного мальчика. Казалось бы, саламандра был таким гибким, жилистым, хлестким, а все равно Марина смотрела на него с умилением, как на пуховой шарик. В конечном итоге не выдержала и снова обняла за шею, зарывшись лицом в теплых мех и вдыхая приятный, едва уловимый запах далекого костра. После этого ее простили и даже смирились с кличкой. Топтыжка проводил девушку до самой дальней уборной, располагавшейся на этаже – здесь та была одна, и в основном ею пользовались только уборщики для хранения инвентаря и прочих инструментов. Остальные в туалетной комнате не нуждались, так как каждый кабинет имел свои подобные апартаменты. Только Марина пока своими не могла бы воспользоваться при всем желании: требовался полный сантехнический ремонт.

Поэтому она морально готовилась к пробегам по коридору туда и обратно со швабрами, тряпками и ведрами наперевес. Внутри каморки с подозрительно затемненными кабинками она нашла все необходимое. Набрав два ведра воды, одно сунула за ручку в пасть Топычу – проблем с удержанием и ноской тяжестей у зверя не было. Накидала в еще одно ведро всяких моющих средств, порошков, тряпок и прочих необходимых для генеральной уборки штук. Возвращались в ректорский кабинет медленнее. Саламандра тащил два ведра с водой – одно в пасти, другое перехватил хвостом, а Марина несла то, что с барахлом, а также швабру, совок и веник. А оказавшись внутри кабинета, они огляделись, оценивая объем предстоящих работ. Можно было только содрогнуться от ужаса и помолиться Мойдодырам о спасении, и приниматься за работу. Работать-то где-то надо было.

– Эх, стоило ли менять работу, раз я все равно снова с тряпками в руках, – вздохнула Хромова. – Знаешь, Топтыжка, придется все-таки тебе побегать туда-сюда. Я буду все чистить, а ты таскать мне необходимое. Согласен?

Получив положительный ответ, они принялись за дело.

Для начала Марина переделалась – не хотелось пачкать и портить хорошую одежду, а из дома она захватила вполне себе потрепанную спортивку, которую не жалко. Чтобы никто внезапно не застал ее в голом виде, попросила саламандру покараулить на входе. Первое, что они сделали: отгаскивали тяжелые доски и прочие куски мебели ко входу и складывали, чтобы те не мешались. Там оказались обломки шкафов, полки и кресел, злополучный диван тоже нашел свой конец в этой увеличивающейся куче. Для более мелкого мусора пригодились мешки, специально захваченные Мариной для полезного дела. Когда удалось избавиться от мусора, заполнившего кабинет, парочка перешла к мытью. Из-за того, что грязь, пыль и кровь въелись в полы и стены, приходилось очень часто менять грязную воду на чистую. Несмотря на то, что дело двигалось тяжело и медленно, она надеялась хотя бы немного привести помещение в пригодный для жизни вид. Невозможно было бы работать в столь отвратительных условиях, в подобной свалке смогли бы чувствовать себя счастливо только тараканы, но никак не человек.

На некоторое время Марина так увлеклась кипящей работой, что не заметила исчезновения саламандры. Зато на возвращение внимание обратила; особенно впечатляюще выглядело то, как ящер полз, легко держа на башке поднос, заставленный тарелками и стаканами. Как только на весу все это удерживал? Понаблюдав за ловкими движениями питомца и повспоминав африканско-индийских женщин, способных таскать на головах любые вещи, она сообразила, что не брала в рот ни крошки с самого утра. Прислушавшись к себе, осознала, что есть не хотелось до сих пор. Скорее всего, сказывалось стрессовое состояние. Когда же Хромова попробовала отказаться от перекуса, Топтыжка зло оскалился и зашипел. Осознав, что ее наверняка укусят в целях профилактики и из чистой вредности, и, понимая, что «кусь» питомца будет фатальным, она со вздохом села за стол перед подносом.

Несмотря на многозначительное подбадривание и компанию, аппетит все равно не проснулся, и каждую ложку девушка впихивала в себя с усилием. Даже вкус практически не ощущался, хотя на деле приготовленное было настоящим произведением ресторанного искусства. Поесть вкусно Марина всегда любила, а от того, что не могла насладиться вкусными блюдами, настроение катастрофично падало еще сильнее. Поднять же его у нее пока не получалось, как ни старалась. С каждым новым мгновением в Нави будущее казалось все более мрачным. Будучи оптимистом по жизни, она всегда верила, что после черной полосы идет белая, а стакан всегда наполовину полон, нежели пуст. Но сейчас убедить себя в этом было нелегко. Одна, в потустороннем мире, без семьи, друзей и с нависшей над головой опасностью. Впору завыть на луну. Ах да! Луны-то в Нави нет. Даже такой мелочи она лишена.

– Ну все, – девушка оттолкнула в сторону тарелки, – больше не могу.

Развалившаяся рядом саламандра попыталась положить ей голову на колени. В тот же миг под ними раздался треск и ножки единственно-целого табурета подломились, и Марина рухнула на пол, приглушенно ругаясь.

Кто после такого не верит в закон подлости?

Марина мыла и чистила ректорский кабинет уже пару часов, когда внезапно уединение двух тружеников было нарушено. Дверь кабинета стукнулась о стену, настолько сильным оказался толчок, и жалобно заскрипела, едва не слетев с петель. Девушка тогда находилась под столом и, поморщилась, услышав столь некрасивое обращение с замковой собственностью. Вынырнув на свет божий из подстольной темноты, Марина принялась рассматривать молодого человека с аккуратными ветвистыми рожками на голове, оленьим носом и кучерявыми волосами, спадающими до плеч. Симпатичный, но смазливый. Оглядев ее, незнакомец недовольно поджал губы и высокомерно вздернул вверх свой пяточок... олений, но все равно пяточок.

– Чем могу помочь? – вежливо поинтересовалась Хромова, потянувшись за сухим полотенцем и вытирая руки.

– Вы! – громко воскликнул он, выпятив грудь. – Подпишите бумаги! Я тороплюсь! – И сунул ей под нос очень толстую кипу документов в темных папках, не менее десяти штук.

Марина вскинула бровь вверх – интересное начало трудовых будней. Что дальше?

– С кем имею честь? – все также вежливо продолжала она, отодвинув в сторону бумаги.

– Герман Нисман, левый помощник достопочтимого директора Всемирной Навьей Академии для Трудновоспитуемых и Неподдающихся, – отрапортовала ей в ответ и презрительно сжали губы. – Вы! Не тратьте мое время! Мне еще много работы необходимо выполнить!

Какой милый представитель Нави, так и влюбиться можно. Сильно захотелось спросить, как часто этот олененок ходит налево? Хотя... наверняка обидится.

Марина забрала принесенные документы и осмотрев, признала в них стопку личных дел студентов Академии. Особенно ее заинтересовал в правом верхнем углу штамп: «На отчисле-

ние». Получается из Академии возможно отчислить? Мысленно она решила поскорее ознакомиться с правилами и уставами, как непосредственно Навьей Академии, так и всего преподавательского сообщества.

Она положила папки на чистый угол стола:

– Зайдете за делами студентов завтра.

– Вы! У меня нет столько времени! – практически взвизгнул представитель нового порочьяего класса оленей, услышав ответ. На миг подумалось, что из его ушей повалит дым, настолько сильно оказалось возмущение. – Подпишите сейчас же бумаги! У меня в отличие от вас слишком занятый график! Я не могу тратить его на... на... – «олень» оглядел кабинет, и выдал: – Не могу тратить время на нахождение в свинарнике и безделье!

Хромова кивнула, выслушав пламенную речь:

– Как, говорите, вас зовут?

– Вы! Я Герман Нисман, левый помощник distinguished директора Всемирной Навьей Академии для Трудновоспитуемых и Неподдающихся!

Девушка покивала, и присела в ректорское кресло – благо вылезла с той стороны стола, где оно стояло. Топыч откуда-то притащил, когда они лишились табурета.

– Какая жалость, господин Герман Нисман, что distinguished директору вы создадите трудности.

– Вы! – начал было гордо наглый пижон, а потом до него дошел смысл фразы и уже абсолютно нормальным, немного удивленным голосом, он поинтересовался: – Что? Какие трудности?

– Ну как же, – спокойно пожала плечами она, – ведь с этих минут distinguished директору Всемирной Навьей Академии для Трудновоспитуемых и Неподдающихся следует искать себе нового левого помощника. Такая незадача.

– Как это? Ведь я есть! – возмутился мужчина, растерянно захлопав глазами.

– Увы, больше нет, – Марина ласково улыбнулась. – С этих пор вы здесь больше не работаете. Поверьте, Нвья Академия такую утрату переживет. Можете быть свободным.

Вопрос: есть у нее право уволить этого визгливого поросенка?

На полу завозилась тушка Топтыжки, лежащего все это время кверху брюхом – устал. Вместился он туда только благодаря своей змеиной изворотливости, которой оставалось поражаться. Он перевернулся и встретился с ней взглядом – понимающим, разумным, полыхнувшим синим пламенем. И сразу же на столе из ниоткуда и без всяких спецэффектов появилось толстое дело в твердом красном переплете, на котором значились знакомые имя и фамилия. Телепортация? Нет, она в замке невозможна. Тогда что? Ответа не было, но вместо этого, словно живое, дело раскрылось на том месте, где трудовой договор Нисмана с Академией закреплялся характерной алой кляксой. Что делать дальше подсказал все тот же Топыч, подставив ей поближе кончик острого хвоста.

Скептически посмотрев на свой собственный палец, Марина подумала, что пора брать плату за предоставление Академии собственной крови. А то ведь не напасешься! Обескровят! Но выбора снова не было, точнее был, вот только она на этот раз не согласна была на альтернативу. Она уколола указательный палец, едва заметно вздрогнув от неприятного ощущения, и зачеркнула своей кровью подпись Нисмана на договоре. С любопытством наблюдала, как медленно исчезают первоначальные записи о трудоустройстве и появляются новые об увольнении. В них значилось, что Герман Нисман больше не является работником Навьей Академии, ему надлежало собрать свои вещи и покинуть здание по истечении трех часов, в противном случае описывались последствия и санкции за неподчинение.

– Вы! Не имеете права! – завизжал «олень», когда перестал хлопать ошарашенными глазами, открывать и закрывать рот, подобно рыбе, выброшенной на берег.

– Почему же не имею? – Марина откинулась на спинку кресла. – Имею, что и продемонстрировала. Не тратьте больше времени, собирайтесь в дальний путь домой. Всего хорошего, господин Нисман.

– Я... Я... Я буду жаловаться! Я сообщу Совету! Я пойду к королю! Я подам на вас в суд! Я... Вы! Я... я...

– Вас проводят, господин Нисман, – Марина устала от криков топающего и истерящего мужчины.

Тот, видать, хотел сказать гадость, но его перекосило от вида Топтыжки, а точнее от вида челюсти, оскалившейся внушительными клыками и зависшей напротив его «пяточка».

Когда бывший работник Навьей Академии покидал кабинет под конвоем саламандры, Марина понадеялась, что ей не придется увольнять весь педагогический состав в будущем. Хотя последние события ее и порадовали: никакую мебель она просить не собирается, потребует по праву своего ректорского положения.

Минут через десять появление новых визитеров не стало для нее чем-то неожиданным, учитывая обстоятельства. Только дверь стало еще более жалко: та с грохотом распахнулась, потом жалобно скрипнула и нашла свой закономерный конец в груде мусора неподалеку.

Уши заболели от чересчур звонкого, похожего на пожарную сирену голоса:

– Это возмутительно!

Сомневаться в том, что ее посетил директор Навьей Академии не приходилось. Марина даже поспорила, если бы было с кем. Кому еще могла прийти в голову мысль, прибежать заступаться за своего помощника, как не начальнику?

Предполагаемым директором оказался среднего роста мужчина с залысинами на макушке, пивным брюшком и такими мускулистыми руками, что позавидовал бы Кинг-Конг. Неудивительно, что дверь приказала долго жить и предпочла больше не мучиться.

– Кажется, мне и директора придется уволить, – застонала Хромова и страдальчески закатила глаза к потолку.

Начав слезать с оконного подоконника – окна мыла, она увидела, что в кабинет следом за ним прошли Кайдэс, Найтмер и Селиванов. При виде последнего, и без того нерадостное настроение последовало вслед за покойной дверью.

Отчитывать будут?

Марина приготовилась к бою – в данном случае она уступать не собиралась, и раз вынудили стать ректором на убой, пусть терпят. Однако, судя по действиям Найтмера, в качестве поддержки позвали только Кайдэса и Селиванова. Тот со словами: «Подожду своей очереди», занял свободное кресло и словно перестал интересоваться окружающим. Уже легче.

– Вы... – между тем начал качать права рукастый толстячок, приближаясь.

Марина не выдержала, сверкнув глазами:

– Уволю.

– Что-о-о?! – поперхнулся тот, услышав угрозу.

– Еще раз услышу начало предложения в мою сторону с местоимения «вы», уволю, – непреклонно пояснила она.

Хромова почувствовала себя очень неудобно в окружении колоритных и недовольных мужчин, как в западне. Но внезапно ноги обвил длинный хвост саламандры, и напряжение тут же отпустило. Все-таки не одна.

– Как вы смеете?! – мужчина схватился за грудь, там, где билось сердце. – Я многоуважаемый директор...

Ну вот, она не ошиблась. Действительно директор.

– Директор Савалис, – вмешался Селиванов, предотвращая еще одну истерику, – позвольте мне разобраться.

– Конечно, лорд Мэрлон, полагаюсь на вас.

Значит вот как на самом деле звали черта, а еще он из местной аристократии... Марина сделала себе пометку узнать о королевских дворах Нави. А также выяснить, какую должность лже-Селиванов занимал при Академии.

Черт окинул смертницу взглядом, не ожидавшей от него ничего хорошего. Выражение лица было вежливым и добродушным, взгляд спокойным, но она буквально ощутила пробежавшую по коже чужую неприязнь.

– Марина Даниловна, случилось недоразумение, – начал он. – Вы не имеете права увольнять работников Навьей Академии, не согласовав это решение со мной, как представителем Наблюдательного Совета. Восстановите Германа Нисмана в должности немедленно, и мы продолжим заниматься делами, не отвлекаясь на незначительные мелочи. Убедительно прошу вас не создавать нам больше проблем, наше время и внимание очень ценно и тратить их бездарно слишком расточительно.

И будто дело уже было решенным, повернулся к директору:

– Вот видите, как все просто. Марина Даниловна сейчас все исправит и разойдемся миром.

Поначалу Марина думала, что начнет переживать или нервничать, но осознала, что даже легкого волнения не чувствует, даже злость испарилась на пару со страхом. Пришли спасительные невозмутимость и уверенность в правильности собственных действий.

Когда Нисман вылетел из ее кабинета, она едва снова не разрыдалась, придавленная волной неприятных эмоций. Но вовремя вмешался Топтыжка – якорь поддержки, – и помог справиться с бушующими эмоциями. Тогда она окончательно уверилась в правильности решения призвать его. С какой радостью она гладила большую морду, рога, шею, и постепенно справлялась с навалившейся бедой. Сейчас же, словно на место встал последний кусочек мозаики, и тяжкий груз упал с плеч.

– Вы правы, Степан Игнатьевич, произошло недоразумение, – Хромова обратилась к навью по известному ей имени. – Недоразумение в том, что вы, судя по вашим словам, пребываете в заблуждение касательно моего и своего статусов в Навьей Академии. – Селиванов нахмурился и попытался ее перебить, однако она не позволила, взмахнув рукой: – Согласно трудовому договору, подписанному мной, я являюсь действительным и полноправным ректором Навьей Академии. Согласно Устава Навьей Академии, – Марина краем глаза бросила взгляд на громадный том, который ей презентовал Топтыжка некоторое время назад вместе с креслом, и благодаря которому она кое-что интересное успела узнать, – решения ректора окончательны и однозначны в данном учебном заведении. Ректор Навьей Академии – закон и порядок, решения которого не оспариваются, не меняются и не контролируются никем. Ни Попечительский Совет, ни Наблюдательный Совет не имеют никакой власти в стенах Академии. Поэтому настоятельно рекомендую вам, Степан Игнатьевич, не бросаться высказанными ранее словами и следить, чтобы в будущем подобных недоразумений не происходило, если и в дальнейшем желаете работать в этих стенах.

Хромова понимала, что в эти мгновения обзаводится первым в Нави врагом, хотя Селиванов изначально не являлся ее другом. Но сейчас, глядя на то, как заледенел взгляд последнего, а цвет начал становиться неестественно алым, она не сомневалась, что он не забудет и не простит.

– Марина Даниловна, хочу напомнить вам, что ваше благополучие зависит исключительно от решения Наблюдательного Совета. Заменить вас не составит трудности – лицензия, как вы успели узнать, насчитывает более сотни подходящих кандидатов на необходимую нам роль. Вы меня понимаете?

Девушка побледнела, но отступить не собиралась. Да, она всего лишь пушечное мясо. Да, ее легко заменить, устроив несчастный случай. Да, даже если выживет, она все равно через

полгода покинет это место. Вот только сейчас это не имело никакого значения, потому что она была в своем праве.

Собиралась отстаивать его.

Но не успела.

До этого Кайдэс и Найтмер хоть и находились в кабинете, но держались нейтрально. Даже Фианых, которого, вроде бы, привели сюда специально для поддержки директору и чертообразному юристу, не вмешивался в диалог. Поэтому, когда Найтмер решил вмешаться, для большинства (разве только Кайдэс остался равнодушен) стало неожиданностью. Особенно для Селиванова.

– Мэрлон, не стоит продолжать дальше.

Марина моргнула, не веря собственному слуху и зрению, разглядывая чеканный профиль Найтмера. Но... с каким же пренебрежением в голосе он это сказал, и не потрудился обратиться по титулу к аристократу... В ее мире к титулованным особам обращение было невероятно почтительное, подобострастное. Здесь же почтительностью и не пахло. Однако вместо того, чтобы оскорбиться, реакция черта оказалась иной – он сжался, хотя и старался не подать виду.

– Полагаю, нам не стоит напоминать тебе о том, в присутствии кого делаешь подобные заявления? Или все-таки напомнить?

Селиванова словно ударили наотмашь, а лицо покрыла воистину мертвенная бледность.

Настолько испугался? Почему? Хотя, вспоминая первую встречу с Найтмером и чувства, всколыхнувшие при этом, удивляться не следовало.

С ним Селиванов даже не стал обсуждать сложившуюся ситуацию, зато обратился к другому представителю местной власти:

– Лорд Кайдэс...

Тот же бесстрастно отмахнулся.

– Лорд Мэрлон, надеюсь вы переутомились, поэтому приму сказанное ранее за оговорку и забуду на первый раз. В противном случае следующий подобный разговор будет проходить уже не в этих стенах.

Где именно мог произойти обещанный разговор, не упоминалось, но Селиванов понял.

– Прошу прощение, – выдал он, уже не бледнее – серая, – подобное больше не повторится.

Селиванов повернулся к девушке, судя по выражению глаз, собирался сказать очередную гадость, пусть завуалированную и осторожную, но... Но внезапно поперхнулся, вытаращившись куда-то за плечо нового ректора.

– Что это такое? – проскрипел он, карающим перстом указав на что-то рядом с Мариной.

Она недоуменно проследила направление, но кроме высунувшего голову из-под стола Топтыжки никого и ничего другого не заметила.

Или он так на саламандру намекал?

– Проводник, – пожала она плечами, решив исходить из логичного.

– Я вижу, что это проводник! – мужчина едва ли не затопал ногами, вмиг растеряв напыщенность и лоск. Потеря самообладания ему далась очень дорого. – Откуда он взялся? Кто хозяин?

Марина понимала, что Селиванова сейчас прилюдно высекли, и он расстроен, но зачем же так нервничать?

– Я.

– Это невозможно! Вы слишком слабы, чтобы призвать сущность Навьей Академии себе в помощники! Какая-то жалкая явья не справится!

Вот теперь его перебила уже Хромова:

– Степан Игнатьевич, я начинаю сомневаться в вашей профпригодности. Ваши высказывания, истерики, комментарии... Даже не знаю, как оценивать. Или же вы руководствуетесь какими-то иными документами и уставами, отличающимися от тех, что были мне предоставлены? Там разрешено хамить и угрожать? Тогда я бы хотела с ними ознакомиться, желательно в ближайшее время.

Не собираясь слушать этого... нехорошего навья дальше, она перевела взгляд на директора, который теперь старался казаться как можно незаметнее. Мужичок уже раз десять, наверное, пожалел, что прибежал отстаивать права своего подчиненного и приволок за собой группу поддержки, которая обломила его по всем фронтам.

– Как вас зовут? – спросила она.

– Савалис Гриффин, г-г-госпожа ректор, – проблеял он, вжав голову в плечи и ссутулившись.

– Так вот, господин Гриффин, Герман Нисман восстановлению на прежнее рабочее место не подлежит, так же как и нанимать его на другие должности – запрещено. Информация о причинах увольнения уже занесена в личное дело, если пожелаете можете ознакомиться. Теперь прошу освободить мой кабинет и заняться вашими непосредственными обязанностями.

Освободить кабинет никто не собирался: Селиванов бесился и не знал, как выразить всю свою ярость в сложившихся обстоятельствах, директор застыл кроликом и боялся шевельнуться. Зато Топтыжка с большим удовольствием выволок свое длинное тело из-за груди наваленного мусора, стола и кресла, и принялся изображать из себя профессионального вышибалу. Понятное дело сопротивляться напору такой махины парочка не рискнула и все-таки покинула кабинет ректора к облегчению хозяйки. А вот Найтмер с Кайдэсом остались на своих местах, и даже не думали снова оставлять ее в одиночестве.

Как только нежелательные элементы покинули новое хозяйство Марины, она обратила все внимание на двух расслабленных мужчин, один из которых замер в ее кресле, а второй направился к ней. Когда они заступились за нее, это не могло не порадовать, однако возник вопрос: почему?

– Спасибо, – проговорила она.

– Не стоит, – отозвался Найтмер, – это не ради вас.

– Все равно я благодарна.

Какие бы ни были мотивы, результаты были теми, какие нужны. Вряд ли бы она смогла противостоять противной парочке в одиночестве. Да что там – вряд ли, совершенно точно не смогла бы. И все же любопытно...

– Тогда можно спросить: в чем причина вашей помощи?

На нее посмотрели немного удивленно, будто она глупость сморозила.

– Мы здесь для того, чтобы предотвращать убийства, а не способствовать им. Или вы не поняли, что Селиванов имел в виду?

– Нет, нет, я поняла. Просто... не думала, что вы... не поддержите его.

Марина смутилась: когда загоняют в ловушку, ничего хорошего не ждешь. И уж точно не думаешь, что у пушечного мяса есть права, а не только обязанности.

Между тем Кайдэс остановившись рядом, попросил:

– Дайте вашу руку.

– Снова резать будете? – осторожно спросила она, тем не менее протягивая.

Мужчина чуть улыбнулся:

– Нет, всего лишь небольшой подарок.

После чего легко надел на руку браслет: очень простой, тонкий, без излишних узоров, из золотистого, матового дерева. Непрезентабельное украшение мягко охватило запястье, сев как влитое.

– Это артефакт, так что не снимайте, даже когда будете заниматься гигиеническими процедурами. С ним ничего не случится, а вам он в случае нападения на минуту сохранит жизнь и даст нам возможность прийти на помощь.

Вот теперь Марина оказалась не просто удивлена, а поражена в самое сердце, хотя если вспомнить слова Кайдэса в начале знакомства... он так и сказал: мертвой она не нужна. Но тот же Джек... Она почувствовала, что запуталась, в голове воцарился сумбур. Троица мужчин, расследующая дело об убийствах ректоров, откровенно пугала, вызывая практически первобытный страх. И вот сейчас, когда заступились, помогли, открылись совершенно с другой стороны, показавшей их совсем не бездушными личностями. Какие же должности они занимали в Наблюдательном Совете, что имели право поступать, как считали нужным и, мягко говоря, послать самоуверенного Селиванова? Да так, что тот растерялся и испугался до полной потери контроля над собой. Марина передернула плечами, осознавая, как много ей еще предстояло узнать об этом мире и его обитателях.

– Хотелось бы конечно дать вам более сильный и надежный артефактом, но это опасно, – пояснил Кайдэс, отступив. – Дело в вашем договоре с Академией – нельзя переборщить с защитой, иначе она сочтет это за нарушение, препятствием. Вас спасает то, что вы человек и исключительно слабы, поэтому кое-что для вашей защиты мы сделать можем. Завтра...

– Завтра, – перебил его Найтмер, наконец-то озвучив цель своего визита, – я заберу Марину Даниловну на внешнюю территорию Нави, поэтому ничего не планирую.

Кайдэс вопросительно посмотрел на коллегу, ожидая конкретики.

– Отвезу ее к Любушу и Масуну, – непонятно для Марины, но понятно для него ответил навий.

– Хорошая идея, – тут же одобрил идею Фианах. – Насчет ядов не думал?

– Яды задействуем в крайнем случае, пока без надобности и опасно. Все-таки Академия – капризная сущность, может и взбрыкнуть.

– Подождите! – Марина переводила взгляд с одного на второго. – О чем вы сейчас говорите?

– Любуш Керс – специалист по вредоносным заклятиям и проклятиям, Масун – сильнейший в Навьем Королевстве телепат. Они поставят вам блоки от вмешательства в разум и защиту от некоторых проклятий. Иначе вас слишком легко подчинить и прочитать. Очень небезопасно и уменьшает вероятность вашего выживания в нашем мире.

– Как эти мастера узнают, до какого предела нужно ставить защиту, чтобы не нарушить договор с Академией? – подозрительно спросила она, обдумывая новые факты о собственной зависимости от трудового договора.

– Вы правильно сказали: они мастера своего дела, поэтому поймут и точно определят пределы доступные вам.

Марина кивнула – скорее своим мыслям, чем словам. Надежду она задавила на корню, стоило той поднять голову. Рано. Она еще ничего не знала, кроме сведений, которые ей говорили другие. Однако действия Кайдэса и Найтмера пока давали возможность считать, что ее труп им все-таки не нужен. По крайней мере этим двоим, и по крайней мере пока. Идея с наложением на нее защиты тоже понравилась – среди сверхъестественного и выживать по сверхъестественному нужно. Лишь бы мастера не добавили никаких неприятных сюрпризов во время процедуры, но это, увы, она проверить не могла. Поэтому не стала беспокоиться лишний раз.

– Будьте готовы к третьему часу Юдоли, – сообщил ей Найтмер.

– Хорошо. Можно вопрос? – спросила Марина, когда мужчины собрались уходить.

– Слушаем.

– Селиванов. Какую должность он занимает в Академии?

– Тоже собираетесь его уволить? – подколот Кайдэс. – Он возглавляет отдел юристов.

– В Академии есть юристы? – поразилась Хромова, проигнорировав первый вопрос.

– Есть, без них Академия не могла бы функционировать на должном уровне.

– Ясно.

На этом разговор закончился и мужчины оставили ее в компании саламандры, кинув прощальные задумчивые взгляды сначала по кабинету, а потом остановившись на ней. Поежившись, Марина возобновила уборку, выкинув из головы и лишние мысли, и неприятный инцидент, который оставил неоднозначное впечатление. По-хорошему лучше было бы сейчас засесть изучать всю имеющуюся у нее на руках информацию, но в свинарнике и правда не хотелось находиться. Вся эта пыль, грязь уже буквально пропитала ее насквозь и даже постоянно меняющаяся вода, приносимая Топычем, не способствовали их уменьшению. Помог бы только долгий и тщательный душ, но в ближайшие часы о нем можно было и не мечтать. Еще возникали беспокойства насчет местного времени суток – бодрствование у навий длилось дольше и нужно было привыкать к новому распорядку дня. Вот только Марина опасалась, что не выдержит сегодня и бессовестно уснет в самый неподходящий момент.

Но буквально через десять мину девушке пришлось подкорректировать собственные планы. Так как двери не осталось, постучались в дверной косяк. На пороге застыли двое незнакомых мужчин в серо-фиолетовой форме в компании лохматых созданий, напоминающих темную и жуткую версию мишек Гамми из детства.

– Здравствуйте, госпожа ректор, – проговорил один из них, – нас прислал проректор к вам на помощь. Что нужно делать?

Марина бросила мокрую тряпку обратно в ведро и приветливо улыбнулась. Неожиданно стало очень приятно от того, что о ней все-таки подумали и заметили, что помощь необходима. Когда мужчины уходили, она даже не подумала попросить их, в голову не пришло, а тут сами, не отмахнулись.

– Здравствуйте! Проходите. Работы предстоит много, нужно сделать вот что...

Раздавая команды и объясняя дальнейшие планы по уборке, Марины радовалась, что привести в порядок свой кабинет теперь будет проще. Двое сильных мужчин и два жутких создания, рядом с ними, подстегнут скорость происходящего и смогут не только перетаскать то, что она сама поднять была не в состоянии, но и сделать многое другое. Неплохо было здесь все еще покрасить, как и обои хотя бы сменить, но, если станет чисто – уже половина победы. А еще она решила для себя как можно скорее засесть за нужную литературу и прочесть о правилах и порядках в Навьей Академии. Завтра, если будут силы и возможность, планировала познакомиться с преподавательским составом и наконец-то выяснить, какие должности занимает тройка загадочных и непонятных мужчин, с которыми столкнула ее жизнь.

Быть может, только быть может, Навья Академия все-таки не станет для нее чем-то уж совсем плохим.

ГЛАВА 6

Марина проснулась в десятом часу Пагубы, то есть за три часа до местного рассвета и за шесть часов до назначенного Найтмером времени. Иными словами, все-таки не дотянула до нужного, но и не провалилась совсем уж в ярые двоечницы. Вчера она досиживала последние часы, стараясь не уснуть, исключительно благодаря силе воли. Но все равно отключилась где-то в восьмом часу Требы – неимоверно устала за прошедший день, полный ужаса, преодолений себя, моральных и физических нагрузок. Зато сейчас, потягиваясь и расслабленно слушая тиканье часов на стене, чувствовала себя достаточно отдохнувшей и не такой разбитой, как предполагала. Темно-стальные с пятнами-разводами шторы плотно закрывали широкое окно комнаты, которая отныне считалась ее спальней, и не пропускали тусклый, но надоедливый для сна ржавый свет. Вот он минус отсутствия смен дня и ночи, но не смертельно, привыкнет. Некоторое время Марина наслаждалась переливами бархатистой ткани в полумраке, но слишком долго лежать не захотела и включила прикроватный светильник.

Вчерашняя генеральная уборка кабинета, начавшаяся так сложно и муторно, неожиданно закончилась для нее достаточно быстро. В какой-то момент двое серьезных помощников с мишками Гамми из кошмаров, оказавшимися проводниками-домовыми, перехватили у нее инициативу, отгеснили в ректорское кресло и за считанные пару часов привели кабинет в очень приличный вид. И как-то они это сделали, что никакая покраска и новые обои не потребовались, даже дверь новую поставили. Получилось неплохо, учитывая, в каком состоянии находилось помещение ранее. Немалую роль сыграли домовые в деле чистки. Их круглые, лохмато-пушистые тела сноровисто носились вокруг, заставляя пыль, хлам и мебель буквально летать, самоуничтожаться и заменяться чем-то новым. Марина с каким-то небывалым восторгом смотрела на проявление их магии и не могла оторваться. И хорошо, что большее внимание уходило именно на это. Жутковатые провалы глазниц лохматых проводников, в глубине которых горели фитильки зеленоватых огоньков, буквально заставляли стыть кровь в жилах, стоило им глянуть на нее.

Страшные создания. Без преувеличения и детских воспоминаний о забавном и таком добром домовенке Кузе. Домовых Навьей Академии добрыми назвать бы не рискнул даже самый оптимистично настроенный оптимист. Да что там! Попади один такой чудик в роулингский Хогвартс и тамошним магам вмиг организовали школьный переворот, революцию и апокалипсис по-домовому за раз. Волан-де-Морт отдыхал бы в сторонке, нервно покуривая и завидуя. Марина осторожно гладила пристроившегося рядом Топыча и настороженно следила за миниатюрными кошмарами, носящимися мимо нее, вокруг нее и творящими совсем не сказочные чары. Не к месту вспоминались земные байки о том, что домовые вполне могли задуть своих хозяев, садясь спящим на грудь, напакостить или сотворить еще что-то непоправимое. Ставило в тупик еще и то, что парочка домовят иногда старалась к ней приблизиться на достаточное расстояние, чтобы коснуться. Но здесь спасал верный огненный ящер, отпугивая их внушительными клыками в добродушном оскале и не позволяя вольностей.

В остальном все было прекрасно. Добровольцы-помощники даже обеспечили Марину головастыми и болтливими чучелами, которые заинтересовали ее после посещения кабинета Кайдэса. Хромова специально интересовалась у них, есть ли еще такие, но только бесхозные, и в чем их полезность. Оказалось, что полезность имелась и немалая. Головы-чучела соединялись единым разумом друг с другом по всей Академии и могли наблюдать, следить, общаться и слать сообщения друг другу (и не только) в пределах всей Навьей Академии. Если они заключали с кем-то контракт, то служили единственному хозяину, информируя его и, грубо говоря, шпиона за беспокойной действительностью здешних территорий. Марина тут же попросила

притащить ей пятерых голосвастиков, желая иметь надежных подчиненных под боком. А когда получила, сразу же заключила с пятью этими говорливыми созданиями договор и в очередной раз устроила сеанс кровопускания. Радости это не принесло, но того стоило. Лишние глаза, уши и что там у них было никак не могли помешать ректору в новой работе.

Разобравшись с одним из главных вопросов – уборкой, Марина попросила Топыча отвести ее в квартиру, или где там она отныне жить будет. Ведь должен же он был знать о такой простой вещи? Или это нужно было согласовывать с кем-то из тройки? Но саламандра знал и совсем не удивился просьбе. Пока Марина грузила его пакетами с документами и книгами, собиралась попросить присланных помощников донести ей чемоданы с сумками до квартиры, но не потребовалось. Широким шагом внутрь вошел Найтмер и, окинув помещение оценивающим взглядом, их отпустил. Сам же невозмутимо поднял багаж и повел ее на верхние этажи. На этот раз путь наверх оказался не настолько экстремален и привел их к лифтам Академии. Некоторое время пришлось ждать, когда они подъедут, а после терпеть, когда доедут до жилого этажа. Хоть Марина и не дергалась из-за этого, но все равно подумала, что настоящая морока столько времени тратить на одни только переходы по замку. Как только студенты и преподаватели успевали перебираться с пары на пару, оставалось загадкой!

– Найтмер, а есть ли другой, более быстрый способ передвижения по этажам Академии? Только не такой экстремальный, как прыжки сквозь реальности и стены.

– Неизвестно, как в давние времена передвигались по этажам, но сейчас только такие способы и доступны, – ответил он. – На сегодняшний момент пары у студентов и преподавателей выстраивают таким образом, чтобы никто не срывает учебу и не опаздывал. А через пять-шесть дней Академия на вас настроится и станут доступны лестницы для более быстрой возможности куда-то попасть, перестанут хулиганить.

– Каким образом настроится? – удивилась Марина.

– Обычно, Академия настраивается на каждого ректора индивидуально. Это не особо затратная процедура и от вас ничего глобального не потребуется, но сама Академия станет менее хаотичной и беспокойной.

Более подробно пораспрашивать не удалось, они приехали. Жилой этаж отличался от рабочего, он был более уютным. Хотя бархатистая «обертка» из бордовых оттенков создавала ошеломительное впечатление в первые мгновения. Здесь было много интересных цветов в больших горшках, удобных, мягких диванов, на которые хотелось присесть, а то и полежать, и ворсистых ковров под ногами, которые тоже хотелось опробовать по назначению – побегать босиком. Марине понравилось. Особенно когда мимо пронеслась разъяренная черноволосая фурия – в переносном смысле слова, конечно, на самом деле очень красивая женщина – в одном шелковом халате и с саблей наголо. Гналась она за таким же полуодетым мужчиной, который уговаривал «солнышко» и «милую» не злиться, не дурить и вообще лучше приятно провести время вместе. Почему-то такие уговоры не действовали и «милая, солнышко» все так же порывалась его не то сразу убить, не то сначала кастрировать. Да, оказалось совсем не скучно, Марина оценила. И Найтмер тоже; ректор успела заметить его легкую улыбку, тронувшую жесткие губы.

– Проходите, – вскоре распахнул он девушке дверь в ее новые апартаменты.

Квартира оказалась очень просторной, этакие трехкомнатные царские покои, к которым дополнительно шли кабинет, кухня и ванная с туалетом. В отличие от кабинета здесь оказалось очень чисто, приятно и сказочно пахло – таким обычно бывает горный воздух в зимний период времени. В первые мгновения Марина растерялась, не зная зачем ей столько свободного места и что с ним делать, а потом пришла в восторг. Если уж быть смертницей, то хотя бы успеть пожить в роскоши, как какая-нибудь кинозвезда или аристократка. Она разулась на пороге и с удовольствием разглядывала новый дом в серебристо-голубых и серовато-зеленых оттенках. Здесь имелось все, что требовалось для жизни и, даже, сверх того. Найтмер, следовавший за

ней, сказал, что в квартире тоже навели порядок, пока она находилась внизу, но чисто поверхностный – убрали пыль, проветрили, пропылесосили и что там еще нужно. После этого он поставил все сумки в углу и, оставив Марину в компании саламандры, ушел.

Некоторое время девушка пребывала в жгучей эйфории от шикарности квартиры, но потом вспомнила, что до нее здесь жили все умершие предшественники и градус восторгов снизился до здорового скептицизма и похолодания. Обходя комнату за комнатой, она сначала решила не слишком обживаться, но потом передумала. Не начать обживаться – значило бы признать свою скорую смерть, смириться с выбором, сделанным за нее, а Марина точно умирать не собиралась, и планировала сделать все возможное и невозможное для выживания. Поэтому оставшись в одиночестве, первое, что она сделала: стянула носки с ног и разбросала их по углам, потом сделала то же самое с диванными подушками, переставила несколько статуэток с места на место и, скрывшись в спальне, упала на кровать в позе звезды. Ошарашенный взгляд Топыча, следовавшего за ней, сказал многое о том, что он думал о своей хозяйке в эти мгновения. Но девушка только рассмеялась. Пусть так, зато это лучше, чем трястись в рыданиях и ждать смерти.

Но и разлеживалась она недолго, здоровый расслабон прервал неожиданный звонок во входную дверь. Звонивший оказался слишком настойчив и Марине пришлось идти открывать. На пороге она замерла, ошарашенно разглядывая Джека Фроста. Он широко ухмылялся, в одной руке держал упаковку с шестью банками пива, в другой громадную пиццу и еще какие-то пакеты с чем-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.